МЕЖВУЗОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

ВЫСШАЯ ШКОЛА:
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва, 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы
Межвузовского международного
конгресса

ВЫСШАЯ ШКОЛА: НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва, 2026

ББК 65

В42

Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 17 сентября 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 112 с.

В42

DOI 10.34660/INF.2026.73.64.119

Сборник составлен по итогам работы Межвузовского научного конгресса. Включает в себя доклады российских и зарубежных представителей высшей научной школы, в которых рассматриваются современные научные тенденции, новые научные и прикладные решения в различных областях науки, практика применения результатов научных разработок. Служит инструментом обмена опыта научных работников, апробации исследований путем их публичного обсуждения.

Предназначено для научных работников, профессорско-преподавательского состава, соискателей ученой степени и студентов вузов.

Все статьи, представленные в сборнике, проходят процедуру рецензирования. Рецензирование осуществляется членами редакционной коллегии и приглашенными экспертами по соответствующим научным направлениям.

ББК 65

© Издательство Инфинити, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Циркадный ритм частоты сердечных сокращений при тяжелой почечной недостаточности детей
Мухитдинова Хура Нуритдиновна, Рахимова Сурае Рузметовна, Алауатдинова Гульхан Инятдиновна 7

Циркадный ритм сатурации кислорода при тяжелой почечной недостаточности у детей
Мухитдинова Хура Нуритдиновна, Мирзаева Адиба Дамировна 16

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Цифровизация управления земельными ресурсами как фактор повышения экономической эффективности сельскохозяйственного землепользования
Щербаков Кирилл Андреевич 25

Методические подходы к оценке конкурентных преимуществ организации и их влияния на эффективность деятельности
Романова Анна Андреевна 31

Современный процесс реструктуризации как основа повышения эффективности хозяйственной деятельности промышленных предприятий в условиях цифровизации
Зарипов Рустам Наилевич 39

Факторы повышения экономической безопасности российских предприятий в условиях геополитической нестабильности и санкционного давления
Тегин Дмитрий Аркадьевич 44

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

О переходе на поэтапное рассмотрение заявления, сообщения о преступлении и принятие решения о возбуждении уголовного дела
Урывкова Анастасия Евгеньевна. 53

Оправдательные приговоры по уголовным делам о невыплате заработной платы: основные причины вынесения
Черемисина Татьяна Владимировна 60

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Групповая идентичность, социальное влияние и конформность как факторыколлективного поведения молодёжи в цифровой среде
Абдуллаев Кудрат Мирзатуллаевич *66*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К проблеме исследования взаимосвязи между профессиональным благополучием и готовностью учителя к профессиональному самоопределению в сложных ситуациях педагогической деятельности
Тюнников Юрий Станиславович *72*

Компетентностный рост учителей гуманитарных дисциплин в контексте личностно-ориентированного, технологического, культурологического и инновационно-рефлексивного подходов
Кодиров Бахтиёр Розикович, Мухиддинзода Кутбиддин Фозилдин *79*

Сопряженное развитие кадрового и родительского потенциалов как условие эффективности инклюзивной среды
Перепелкина Валентина Александровна,
Семенова Светлана Михайловна. *88*

Вовлечение студентов в реализацию молодежной политики университета
Мальцева Татьяна Александровна *96*

Нейролингвистическое программирование как инструмент учёта когнитивных особенностей учащихся на уроках РКИ
Бочин Назар Александрович. *100*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Подарок «Учалинского Сфинкса». Два ребуса и две подсказки – подарки останца на день Летнего Солнцестояния 2026 года
Кузьмина Арина Владимировна, Ларин Максим Вячеславович. *106*

DOI 10.34660/INF.2026.69.34.256

ЦИРКАДНЫЙ РИТМ ЧАСТОТЫ СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ПРИ ТЯЖЕЛОЙ ПОЧЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ДЕТЕЙ

Мухитдинова Хура Нуритдиновна
доктор медицинских наук, профессор
Центр развития профессиональной квалификации медицинских работников
Рахимова Сурае Рузметовна
ассистент
Ташкентский государственный медицинский университет, заместитель главного врача по детству
Республиканский научный центр экстренной медицинской помощи
Алауатдинова Гульхан Инятдиновна
ассистент
Центр развития профессиональной квалификации медицинских работников

Аннотация. *Выявленные достоверно значимые отличия показателей мезора ЧСС в акрофазе и батифазе в группах 1 (до 3 лет), 2 (3,1–7 лет), 3 (старше 7 лет) были обусловлены возрастными особенностями функции ССС. Уменьшение тахикардии отмечено в 1 группе только на 8, 9, 10 сутки на 7,6%, 12,3%, 7,6%. и повторное учащение сердечного ритма на 18 сутки на 12,3%. Во 2 группе уже на вторые сутки отмечено уменьшение ЧСС на 11%, которое оставалось достоверно меньше на 5,6,7,8 сутки на 15%, 14%, 16%, 15%. В 3 группе обнаружено неустойчивое уменьшение мезора ЧСС в основном в первые 10 суток, с сохранением наклонности к учащению сердечного ритма в последующие дни Увеличение ЧСС при обострении ХПН во всех возрастных группах детей является одним из многих компенсаторных механизмов, но выраженность и продолжительность этой самой активной и, как правило, адекватной стрессовой реакции организма ведет к ишемии миокарда с нарушением сократительной способности и развитию сердечной недостаточности.*

Ключевые слова: *циркадный ритм, сердечный ритм, почечная недостаточность, дети.*

Актуальность. Условно в развитии СН можно выделить три этапа: повреждение миокарда, включение компенсаторных механизмов и возникновение клинических проявлений СН из-за недостаточности компенсации или ее нарушений. Одним из ведущих компенсаторных механизмов является изменение ЧСС. При истощении первичных звеньев компенсации наблюдается снижение сердечного выброса, застойные явления и нарушение периферического кровообращения. Низкий левожелудочковый выброс крови сопровождается повышением конечно-диастолического давления в левом желудочке, давления в левом предсердии, венозным застоем в легких, повышением давления в малом круге кровообращения, перемещением жидкости из кровеносного русла в интерстициальное пространство и просвет альвеол. Это приводит к гипоксии и ацидозу, которые способствуют пульмональной вазоконстрикции, дальнейшему повышению давления в малом круге кровообращения. Одной из тяжелых причин повышения давления в капиллярах легких является рефлекс Китаева. Длительный спазм капилляров вследствие этого на первых этапах запретного рефлекса и венозный застой обусловливают разрастание соединительной ткани и развитие необратимой склеротической формы легочной гипертензии.Снижение сердечного выброса в результате истощения первичных звеньев компенсации включает вторичный механизм (повышение вазомоторного тонуса и увеличение объема циркулирующей крови), направленные на обеспечение нормального уровня артериального давления и адекватное кровоснабжение жизненно важных органов. Перераспределение органного кровоснабжения сопровождается уменьшением его в сосудах почек. Задержка натрия и воды в организме при СН переходит из адаптационного механизма, направленного на увеличение сердечного выброса, на свою противоположность. Так, гиперволемия приводит к повышению степени перегрузки сердца, усиливая тяжесть СН. Задержка натрия и воды на фоне тканевой гипоксии приводит к отекам. Гиперволемия и повышение тонуса периферических сосудов сопровождается нарушением реологических свойств крови, микроциркуляции, ведет к развитию ишемии органов и тканей, повышению периферического сопротивления, которые увеличивают перегрузку сердца, отягощая состояние ребенка, ухудшая прогноз [1–9]. В связи с недостаточностью информации изменению ЧСС в процессе компенсаторной перестройки функции ССС при тяжелой ПН детей нами предпринята попытка осветить особенности циркадного ритма ЧСС в данной категории тяжелых больных детского возраста.

Цель работы. Изучить и представить особенности изменений циркадного ритм ЧСС при тяжелой почечной недостаточности детей.

Материал и методы исследования. Изучены данные мониторирования температуры тела, гемодинамики, системы дыхания у 30 детей

с заболеваниями, осложнившимися обострением/острой почечной недостаточностью в фазу олиго/анурии. Комплексная интенсивная терапия включала наряду с этиопатогенетической терапией протезирование функции дыхательной и мочевыделительной систем. Непрерывное почасовое мониторирование осуществляли в трех возрастных группах. В 1 группу включили детей в возрасте 0,8±0,2 лет, мальчиков 8, девочек 6. Во 2 группе изучали данные обследования пациентов в возрасте 4,5±0,9 года (3 мальчика, 2 девочки). В 3 группе изучены данные детей в возрасте 13,9±3,2 лет, из них 4 мальчика, 7 девочек. В 1 группе были выявлены: пневмония, очаговая-2, полисегментарная-2, двусторонняя, осложненная у 2 сепсисом, СПОН, острым повреждением почек в стадии олиго-анурии –3, ГУС-1, токсико-метаболической энцефалопатией –3, ОДН- 2–3 степени –5. Фон у 4 детей: поликистоз почек, врожденный нефротический синдром, нефромегалия, ОКИ в стадии реконвалесценции. Во 2 группе почечной недостаточности сопутствовали пненвмонии-3, тромбоз правого венозного синуса –1, нефротический синдром-2, единственная правая почка (состояние после левосторонней нефрэктомии в связи с злокачественным новообразованием), острый нефрит –1, эпилепсия –1. В 3 группе диагностированы – системная красная волчанка – 5, гемофилия – 1, пневмония- 8, сепсис- 3, рабдомиолиз, осложненный ОПН – 1, острый нефрит – 1, ХПН в стадии обострения-9, СПОН-3, ВПР- единственная почка –1. Всем пациентам проведены сеансы Экстракорпорального очищения крови (ЭКОК). Пациентам 1 группы проведено 11±7 сеансов, во 2–4±1,5, в 3–6±1,7 сеансов, то есть на 45% меньше, чем в 1 группе. До поступления в клинику все пациенты получали терапию, направленную на лечение основного заболевания, инфекции, острый гломерулонефрит, острая кишечная инфекция.

Результаты и их обсуждение. Выявленные достоверно значимые отличия показателей мезора ЧСС в акрофазе и батифазе были обусловлены возрастными особенностями функции ССС. Так, в первые 10 суток уровень мезора ЦР ЧСС во 2 группе оказался меньше, чем в 1 на 8% ($p<0,05$), в 3 группе на 17% ($p<0,05$). Показатель мезора в 3 группе на 1–15 сутки оказался достоверно меньше, чем одноименный показатель в 1 группе на 1–37 сутки на 20% ($p<0,05$). Средний показатель ЧСС за 15 суток в акрофазе в 3 группе оказался меньше, чем средний показатель за 37 суток в 1 группе на 18% ($p<0,05$). В батифазе средний показатель ЧСС в первые 10 суток во 2 группе был на 11% меньше ($p<0,05$), и в 3 группе в первой декаде на 17% меньше ($p<0,05$), чем в 1 группе. А также в 3 группе среднее значение ЧСС в батифазе за 15 суток оказался меньше, чем в 1 группе на 18% ($p<0,05$) (таб.1). Полагаем, что достоверность различий функциональной активности синусового узла определялась прежде всего анатомофункциональной зрелостью водителей сердечного ритма и адаптивных возможностей сердечной мышцы

в условиях тяжелой почечной недостаточности в возрастных группах. Примечательно, что достоверно значимого влияния возраста на амплитуду и суточный размах колебаний ЧСС не обнаружено.

Таблица 1. Средние значения параметров фазовой структуры ЦР частоты сердечных сокращений

Группы	Мезор	В акрофазе	В батифазе	Амплитуда	Суточный размах
1 гр 10 сут	122±2	130±4	114±3	8±3	16±5
1 гр 11–37 с	127±6	142±7	114±8	14±4	28±6
1 гр 1–37 с	126±6	139±8	114±6	13±4	25±8
2 гр 10 с	112±5*	124±5	101±7*	11±3	23±6
2 гр 11–18 с	119±5	131±7	106±8	13±4	25±9
2 гр 1–18 с	115±6	127±7	103±8	12±3	24±7
3 гр 10 с	101±5*	114±13	94±5*	13±9	20±10
3 гр 11–15 с	102±9	118±11	92±6	16±4	25±5
3 гр 1–15 с	101±6‴	115±12‴	93±5‴	14±8	22±9

* – отличие достоверно относительно показателя в первые 10 суток 1 группы.

‴ – различие достоверно относительно показателя 1 группы 1–37 сутки.

Таблица 2. Мезор ЦР ЧСС, уд/мин.

Часы	1 группа		2 группа		3 группа	
	1–10 **сут**	11–37 с	1–10 **сут**	11–18 **сут**	1–10 **сут**	11–15 **сут**
8	124±4	128±10	116±6	127±9	110±12	99±7
9	122±5	129±8	115±5	124±9	106±9	104±9
10	125±6	129±10	117±6	122±9	107±9	106±14
11	124±5	129±9	114±5	123±8	105±9	105±11
12	121±5	130±9	115±6	120±6	101±7	103±10
13	121±4	128±9	114±5	121±6	100±7	105±10
14	122±4	127±10	116±8	120±6	99±6	105±12
15	122±5	127±7	115±6	119±7	100±5	103±11
16	124±3	128±8	115±6	117±6	99±5	102±10
17	124±3	128±9	115±5	119±7	100±4	100±9
18	124±5	129±8	115±6	120±7	101±6	105±13
19	125±3	126±8	114±5	122±6	101±5	102±11
20	123±2	127±7	118±7	122±4	102±7	101±6
21	121±4	126±8	114±6	125±6	103±7	101±8
22	122±4	125±8	113±5	122±4	101±7	106±5
23	121±3	124±8	109±5	118±8	101±4	101±10

Часы	1 группа		2 группа		3 группа	
	1–10 **сут**	11–37 с	1–10 **сут**	11–18 **сут**	1–10 **сут**	11–15 **сут**
24	120±4	125±8	108±7	115±6	98±5	107±15
1	121±3	125±8	106±10	113±8	99±4	97±8
2	120±3	126±8	105±10	110±8	99±4	101±9
3	120±3	127±7	107±8	110±11	97±4	99±12
4	119±4	128±9	106±8	112±8	98±5	99±10
5	118±3	129±7	108±6	111±9	100±5	100±8
6	121±4	129±7	112±5	115±8	101±4	100±8
7	121±3	128±8	111±4	119±4	102±4	100±6

Таблица 3. СЦР ЧСС, ударов в минуту

дни	1 группа	2 группа	3 группа
1	130±6	124±5	118±11
2	123±2	110±7*‴	104±3*
3	125±3	113±6*	100±4*^‴
4	122±3	112±3*‴	97±3*^‴
5	122±2	105±6*‴	98±2*‴
6	122±4	106±3*‴	104±2*‴
7	122±4	104±8*‴	97±2*‴
8	120±3‴	115±3‴	103±5*^
9	114±3‴	121±3*	104±3*^
10	120±2‴	114±6	88±4*^‴
11	126±3	120±9	87±3*^‴
12	125±4	124±6	95±4*^‴
13	134±5	128±5	103±4*^
14	134±3	121±3*	113±5*
15	131±4	117±5*	113±7*
16	121±5	120±5	
17	135±9	111±2*‴	
18	146±7‴	108±10*‴	

* – отличие достоверно относительно показателя в 1 группе

^ – отличие достоверно относительно показателя во 2 группе.

‴ – отличие достоверно относительно показателя в 1 день.

Оценка динамики мезора ЦР ЧСС позволила констатировать уменьшение тахикардии в 1 группе только на 8, 9, 10 сутки на 7,6 %, 12,3 %, 7,6 % ($p<0,05$, соответственно) (таб.2). Обнаружено повторное учащение сердечного ритма

на 18 сутки на 12,3 % ($p<0,05$). Выявленное было связано с попыткой перевода ребенка на самостоятельное дыхание. Спонтанное дыхание было успешно восстановлено через 4 суток. В последующие дни комплексной интенсивной терапии в 1 группе сохранялась наклонность к учащению сердечного ритма (рис. 1). Во 2 группе уже на вторые сутки отмечено уменьшение ЧСС на 11 %, оставалось достоверно меньше на 5,6,7,8 сутки на 15 %, 14 %, 16 %, 15 % ($p<0,05$, соответственно). В 3 группе пациентов выявлено уменьшение степени тахикардии на 3,4,5,6,7,9,10,11 сутки на 15 %, 18 %, 16,9 %, 11,8 %, 18 %, 25,4 %, 26,2 %, 19,5 % ($p<0,05$, соответственно). Таким образом, в 3 группе отмечено неустойчивое уменьшение мезора ЧСС в основном в первые 10 суток, с сохранением наклонности к учащению сердечного ритма в последующие дни (рис. 1).

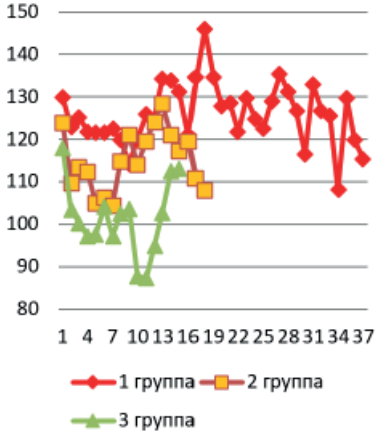

Рис. 1. Мезор ЦР ЧСС, уд. в минуту.

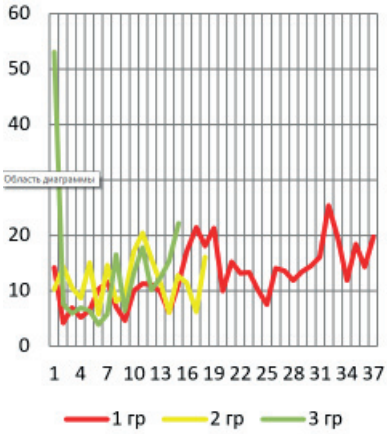

Рис. 2. Динамика амплитуды ЦР ЧСС, ударов в минуту.

Примечательно, что наиболее высокая амплитуда перепада сердечного ритма в 1 сутки у детей 3 группы в последующие дни наблюдения существенно не отличсалась от показателя в 1 и 2 группах (рис. 2). Средние суточные колебания СЦР ЧСС в 1 и 2 группах характеризовались несколько более высоким уровнем волны после 11х суток (рис. 3,4). В то время как в 3 группе циркадная синусоида в первые 10 суток оказалась выше, чем после 11х суток (рис. 5). Синусоидальная кривая СЦР ЧСС в 1 группе сохраняла проекцию акрофазы в утренние часы, батифазы в ночные часы (рис. 3,4). Только в 3 группе физиологичное положение акрофазы и батифазы в первые 10 суток оказалось нарушенным после 11х суток, в связи со смещение акрофазы на 7 часов утра (рис. 5).

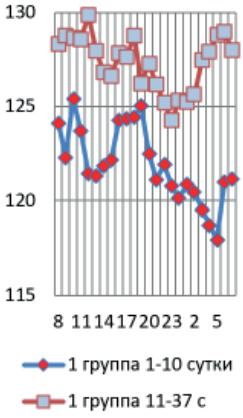

Рис. 3. СЦР ЧСС в 1 гр, уд в мин.

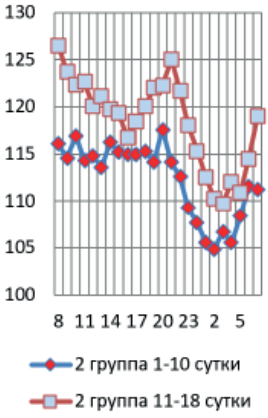

Рис. 4. СЦР ЧСС 2 группа, уд/мин.

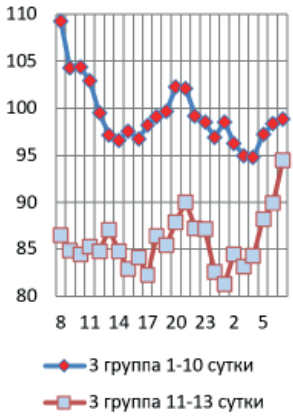

Рис. 5. СЦР ЧСС 3 группа, уд/мин.

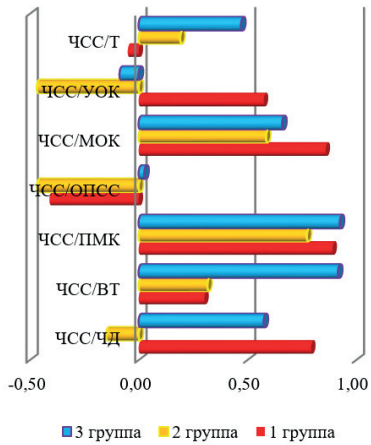

Рис. 6.Коррел сязив в первые 10 суток.

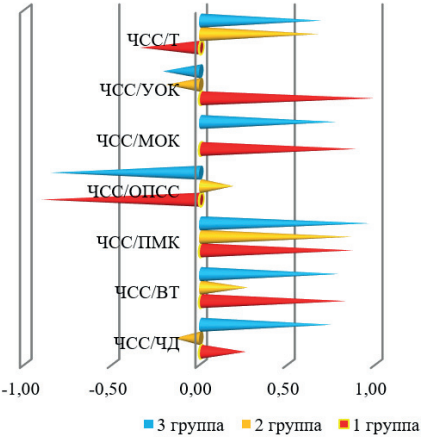

Рис. 7. Кор. Связи на 11–15 сутки.

Выявленная в первые 10 суток лечения сильная прямая связь ЧСС и ЧД, свидетельствовала о прямой взаимозависимости функциональной активности двух жизненноважных систем в 1 группе (рис. 6). Сильная прямая зависимость ЧСС от ЧД проявилась в 3 группе на 11–15 сутки, что характеризовало стрессовое состояние функциональной активности двух систем при обострении ХПН у детей в 3 группе. Сильная прямая зависимость середечного

ритма от венгетативного тонуса в первые 10 суток выявлена в раннем возрасте, составив (0,83), а также в старше 3 группе до 10х суток (0,83) и на 11–15 сутки (0,78). Одним из ведущих механизмов развития ишемии миокарда при тяжелой почечной недостаточности у детей оказалась обнаруженная достоверно значимая прямая зависимость показателя ПМК от ЧСС во всех возрастных группах на протяжении всей продолжительности интенсивной терапии (рис. 5,6). Увеличение МОК в связи с нарастанием тахикардии выявлено в 1 группе, составив до 10х суток (0,86), на 11–15 сутки (0,89). При этом в данной группе пациентов в первые 10 суток отмечена наклонность к снижению ОПСС (–0,41), на 11–15 сутки ставшая достоверно значимой (–0,91). Такая же обратная зависимость обнаружена только на 11–15 сутки (–0,86) в 3 группе. Прямое участие ЧСС в гипердинамической перестройке кровообращения выражалось в прямой связи ЧСС и МОК в 1 группе (0,86) и (0,89) на протяжении 15 суток в 1 группе. В 3 группе прямая зависимость МОК от ЧСС стала достоверной (0,77) на 11–15 сутки в 3 группе. Таким образом, увеличение ЧСС при обострении ХПН во всех возрастных группах детей является одним из многих механизмов, ведущих к ишемии миокарда с нарушением сократительной способности и развитием сердечной недостаточности, Сопутствуют и усиливают негативный эффект этого механизма одновременное увеличение МОК, повышение активности симпатической регуляции, увеличение ЧД, повышение потребления кислорода на клеточном уровне. В связи с указанным алгоритмом событий в системах гемодинамики и дыхания, следует полагать целесообразность предупреждения гиперволемии, одышки, тахикардии, более целенаправленной седативной терапии при необходимости включением МРП, инсуфляцией кислорода. Поддержание адекватной митохондриальной функции медикаментозно улучшит исход и прогноз интенсивной терапии. В практике существует мнение отсутствия необходимости включения ИВЛ в состав комплексной интенсивной терапии при почечной недостаточности. Однако клинический опыт показывает существенное повышение эффективности восстановления функции мочевыделительной системы в условиях комплексной коррекции энергодефицитного состояния, митохондриальной недостаточности на фоне экстракорпоральных методов детоксикации при более активном применении МРП во всех группах детского возраста. Последнее предполагает целесообразность разработки более расширенных показаний для применения МРП при тяжелых формах почечной недостаточности.

Вывод. Выявленные достоверно значимые отличия показателей мезора ЧСС в акрофазе и батифазе были обусловлены возрастными особенностями функции ССС. Уменьшение тахикардии отмечено в 1 группе только на 8, 9, 10 сутки на 7,6%, 12,3%, 7,6%. Обнаружено повторное учащение

сердечного ритма на 18 сутки на 12,3 %. Во 2 группе уже на вторые сутки отмечено уменьшение ЧСС на 11 %, оставалось достоверно меньше на 5,6,7,8 сутки на 15 %, 14 %, 16 %, 15 %. В 3 группе отмечено неустойчивое уменьшение мезора ЧСС в основном в первые 10 суток, с сохранением наклонности к учащению сердечного ритма в последующие дни Увеличение ЧСС при обострении ХПН во всех возрастных группах детей является одним из многих компенсаторных механизмов, ведущих к ишемии миокарда с нарушением сократительной способности и развитию сердечной недостаточности.

Источники.

1. Зверев Д. В., Эмирова Х. М., Абасеева Т. Ю. Острая почечная недостаточность //Фармакотерапия детских болезней / под ред. А.Д Царегородцева.– М.: МИА. 2010.– С. 840–853.

2. Хамин И. Г., Лазарев В. В. Интенсивная терапия при острой почечной недостаточности / Неотложная помощь и интенсивная терапия в педиатрии / под ред. В. В. Лазарева.– М.: МЕДпресс-информация. 2014.- МС.335–345.

3. Чугунова О. Л., Эмирова Х. М., Макулова А. И., Зверев Д. В. Актуальные вопросы острого почечного повреждения и острой почечной недостаточности у детей // Клиническая и неотложная педиатрия: новости, мнения, обучение.– 2015.– № 2.– С. 62–68.

4. Ashraf M., Shahzard N., Irshad M. et al. Pediatric acute kidney injury: A syndrome under paradigm shift//Indian J. Crit. Care. Med.– 2014.Vol.18, N8.– P. 518–526.

5. Canpolat N. Hemolytic uremicsyndrome //Turk. Arch. Pediatr –2015.-Vol.50-P. 73–82

6. Fortenberry J. D., Paden M. L., Goldstein S. L. Acute kidney injury in children: anupdateon diagnosis and treatment// Pediatr.Clin. North Am.-2013.-Vol.60. -P.669–688.

7. Greenberg J. H., Coca S., Parikh C. Long-term risk of chronic kidney disease and mortality in children after acute kidney injury: a systematic review// BMC Nephrol –2014. Vol.15.– P. 184

8. Kellum J.A, Lameire N. KDIGO AKI Guideline Work Group. Diagnosis, evaluation, and management of acute kidney injury: a KDIGO summary (Pt 1) // Crit. Care.– 2013.– Vol.17-P.204.

9. Loirat Ch., Fakhouri F., Ariceta G. et al. An international consensus approach to the management of atypical hemolytic uremic syndrome in children // Pediatr. Nephrol. 2015. Published online: April 2015

DOI 10.34660/INF.2026.69.77.166

ЦИРКАДНЫЙ РИТМ САТУРАЦИИ КИСЛОРОДА ПРИ ТЯЖЕЛОЙ ПОЧЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ У ДЕТЕЙ

Мухитдинова Хура Нуритдиновна
доктор медицинских наук, профессор
Центр развития профессиональной квалификации медицинских работников
Мирзаева Адиба Дамировна
Заведующая отделением
Республиканский научный центр экстренной медицинской помощи

Аннотация. *Динамика мезора ЦР сатурации кислорода в первые 10 суток интенсивной терапии тяжелой почечной недостаточности, включая экстракорпоральный метод детоксикации, аппаратную респираторную поддержку, происходила в пределах допустимой нормы существенно не различаясь в возрастных группах. Выявленные результаты исследования подтверждают колебания показателя сатурации кислорода в циркадном ритме при тяжелой почечной недостаточности у детей на фоне ИВЛ, экстракорпорального метода детоксикации. Эффективность проводимой комплексной интенсивной терапии проявлялась наклонностью к повышению сатурации кислорода в процессе прекращения ИВЛ и перевода больных на самостоятельное дыхание.*

Ключевые слова: *циркадный ритм, сатурация кислорода, почечная недостаточность, дети.*

Актуальность. Сатурация – параметр, показывающий уровень кислорода в процентном соотношении. Он поступает из легких в кровоток и транспортируется ко всем системам организма. Если показатель понижен, это указывает на недостаток кислорода – гипоксемия с высокой вероятностью в связи с поражением органов дыхания. Пик физиологического понижения приходится на период от трех ночи до семи утра. Это самое опасное время для заболевших – в этот период фиксируется наибольшее количество смертей. Сатурация показывает количество молекул гемоглобина, к которым присоединились молекулы кислорода. Если к каждой молекуле гемоглобина присоединены четыре молекулы кислорода – кровь считается насыщенной на 100%

кислородом, норма – 95–100%. Сатурация может постепенно снижаться на 1–2% в день. Иногда это происходит быстрее, и счет может идти на часы. Норма сатурации кислорода в крови у взрослых – 94–99%. Если значение опускается ниже, человек испытывает симптомы гипоксии, или кислородной недостаточности. Одним из ведущих патогенетических механизмов развития ОПН является гипоксия почечной паренхимы, обусловленная спазмом периферических, в том числе почечных сосудов, обеспечивающих адекватность компенсаторной централизации кровообращения в условиях дегидратации (гиповолемии), других стрессовых реакциях организма на внешние, внутренние экстремальные воздействия. Особенностью функции органов и систем в младенческом возрасте является гиперреактивность и быстрая истощаемость ресурсов в условиях, сопровождающихся компенсаторной мобилизацией функции ВНС. Однако в литературе недостаточно информации по динамике сатурации кислорода в фазу олиго/анурии при ОПН у детей, изменению показателя в зависимости от возраста, что послужило основанием проведения данного исследования [1–5].

Цель работы. Изучить и представить особенности изменений циркадного ритма показателя сатурации кислорода при тяжелой почечной недостаточности детей.

Материал и методы исследования. Изучены данные мониторирования температуры тела, гемодинамики, системы дыхания, показателя сатурации кислорода у 30 детей с заболеваниями, осложнившимися обострением хронической /острой почечной недостаточностью в фазу олиго/анурии. Комплексная интенсивная терапия включала наряду с этиопатогенетической терапией протезирование функции дыхательной и мочевыделительной систем. Непрерывное почасовое мониторирование осуществляли в трех возрастных группах. В 1 группу включили детей в возрасте 0,8±0,2 лет, мальчиков 8, девочек 6. Во 2 группе изучали данные обследования пациентов в возрасте 4,5±0,9 года (3 мальчика, 2 девочки). В 3 группе изучены данные детей в возрасте 13,9±3,2 лет, из них 4 мальчика, 7 девочек. В 1 группе были выявлены: пневмония, очаговая-2, полисегментарная-2, двусторонняя, осложненная у 2 сепсисом, СПОН, острым повреждением почек в стадии олиго-анурии –3, ГУС-1, токсико-метаболической энцефалопатией –3, ОДН- 2–3 степени –5. Фон у 4 детей: поликистоз почек, врожденный нефротический синдром, нефромегалия, ОКИ в стадии реконвалесценции. Во 2 группе почечной недостаточности сопутствовали пненвмонии-3, тромбоз правого венозного синуса –1, нефротический синдром-2, единственная правая почка (состояние после левосторонней нефрэктомии в связи с злокачественным новообразованием), острый нефрит –1, эпилепсия –1. В 3 группе диагностированы – системная красная волчанка – 5, гемофилия – 1, пневмония- 8, сепсис- 3,

рабдомиолиз, осложненный ОПН – 1, острый нефрит – 1, ХПН в стадии обострения-9, СПОН-3, ВПР- единственная почка –1. Всем пациентам проведены сеансы экстракорпорального очищения крови (ЭКОК). Пациентам 1 группы проведено 11±7 сеансов, во 2–4±1,5, в 3–6±1,7 сеансов. До поступления в клинику все пациенты получали терапию, направленную на лечение основного заболевания, инфекции, острый гломерулонефрит, острой кишечной инфекции. Постоянная инсуфляция кислородовоздушной смеси составляла 40%-20%. При нарастании ОДН, в процессе перевода на ИВЛ эндотрахеальной интубацией или ВИВЛ при самостоятельном дыхании концентрацию кислорода во вдыхаемой смеси увеличивали на ограниченную продолжительность времени до 100% – 70% до стабильного повышения показателя сатурации в крови более 90%.

Результаты и их обсуждение. Динамика мезора ЦР сатурации кислорода в первые 10 суток происходила в пределах допустимой нормы существенно не различаясь в возрастных группах (таб.1). Обнаружено достоверное увеличение среднего уровня сатурации кислорода в 1 группе в 1–10 дни, 11–37 сутки, 1–37 сутки в акрофазе на 0,9%, 1,5%, 1,4%, ($p<0,05$, соответственно). Достоверность отличия показателя в батифазе (уменьшение на 1%, $p<0,05$) отмечено только в первые 10 суток. Выявленное подтверждает колебания показателя сатурации кислорода в циркадном ритме при тяжелой почечной недостаточности у детей в раннем возрасте. В старших возрастных группах также обнаружено статистически подтвержденное отклонение как в акрофазе во 2 группе на 1–18 сутки на 1,6%, в батифазе на 1,9% ($p<0,05$, соответственно). Статистически подтвержденное колебание сатурации кислорода в циркадном ритме отмечено также у детей школьного возраста на 1–15 сутки увеличением на 1,9% в акрофазе ($p<0,05$). Таким образом, наряду в зависимостью концентрации кислорода в крови от содержания во вдыхаемой газовой смеси, от адекватности спонтанного дыхания или искусственной вентиляции легких, режима вентиляции легких, тяжести состояния больного, возраста пациента и других составляющих факторов показатель сатурации кислорода находился в зависимости также от циркадного ритма организма и зависимости от смены дня и темнового периода суток. Учитывая суточные колебания активности метаболизма, следует полагать, что в ночное время снижение уровня сатурации в крови в ночные часы является фактором, негативно влияющим на функции поврежденных структурно и функционально, в состоянии ишемии органов и систем. В этой связи имеет смысл полагать, что организм находящийся в критическом нарушении метаболизма в ночные часы нуждается в превентивной медикаментозной поддержке и коррекции митохондриальной недостаточности и ишемии, направленной на поддержание жизнеспособности при тяжелых сдвигах параметров

гомеостаза и соответствующих нарушениях функций жизненно важных органов и систем.

Таблица 1. Средние значения параметров фазовой структуры ЦР сатурации кислорода, %.

Группы	Сутки	Мезор	В акрофазе	В батифазе	Амплитуда	Суточный размах
1	1–10	97,5±0,2	98,4±0,5*	96,5±0,5*	0,9±0,4	1,9±0,4
	11–37	97,8±0,7	99,3±0,6*	96,2±1,4	1,5±0,5	3,1±1,2
	1–37	97,7±0,6	99,1±0,6*	96,3±1,1	1,3±0,5	2,8±1,1
2	1–10	97,6±0,3	99,0±0,6	96,1±0,7*	1,4±0,5	2,9±0,9
	11–18	92,0±10,8	93,5±10,9	90,1±10,5	1,6±0,6	3,5±1,4
	1–18	97,6±0,4	99,2±0,6*	95,7±1,1*	1,6±0,5	3,6±1,3
3	1–10	96,5±0,6	98,3±0,6*	92,2±3,7	1,8±0,8	6,1±3,7
	11–15	97,2±1,0	98,8±1,0	92,0±4,4	1,6±1,0	6,8±4,2
	1–15	96,7±0,8	98,5±0,8*	92,1±4,0	1,7±0,9	6,3±3,9

* – отличие достоверно относительно показателя мезора.

Достоверно значимых колебаний средний значений амплитуды и суточного размаха ЦР сатцурации кислорода не выявлено (таб.1).

Таблица 2. Мезор ЦР сатур кислорода, %.

Дни	1 группа	2 группа	3 группа
1	97,7±0,4	97,2±0,5	95,0±2,2
2	98,0±0,3	96,7±1,0	96,8±0,5
3	97,4±0,3	97,9±0,5	96,5±0,5
4	97,5±0,3	97,4±0,2	96,6±0,6
5	97,6±0,4	97,6±0,3	96,8±0,6
6	97,6±0,4	97,3±0,6	96,4±1,0
7	97,5±0,6	97,5±0,6	95,4±1,5
8	97,5±0,5	97,9±1,0	97,3±1,0
9	97,2±0,2	98,3±0,7	97,9±0,3
10	97,0±0,4	97,9±1,0	96,0±1,8
11	97,2±0,6	97,8±0,6	96,0±1,8
12	97,5±0,6	98,0±0,5	98,3±0,4
13	97,5±0,7	97,7±0,6	97,3±0,9
14	97,6±0,3	97,6±0,9	95,9±2,1
15	98,7±0,7	98,9±0,6	98,8±1,1

Дни	1 группа	2 группа	3 группа
16	98,9±0,4	97,9±0,8	
17	98,8±0,4	97,5±1,5	
18	98,7±0,8	96,2±0,8	

Таблица3. СЦР сатурации кислорода в %.

	1 группа		2 группа		3 группа	
Часы	1–10 сут	11–37 с	1–10 сут	11–18 сут	1–10 сут	11–15 с
8	97,3±0,5	97,8±1,1	96,9±0,9	98,0±0,5	93,8±3,3	98,2±0,8
9	97,4±0,4	97,9±1,0	97,4±1,0	98,3±1,0	95,5±1,1	98,5±1,2
10	97,5±0,5	98,0±0,9	96,9±1,1	98,0±0,8	95,9±1,2	98,5±1,2
11	97,3±0,6	97,8±1,0	97,0±1,2	97,5±1,0	96,3±0,8	98,0±1,0
12	97,5±0,4	97,9±0,9	97,4±0,8	98,3±0,6	96,6±1,0	96,9±1,5
13	97,3±0,5	97,9±0,9	97,4±0,6	96,6±1,2	95,8±1,8	97,8±1,5
14	97,3±0,4	97,7±1,1	97,4±0,5	98,3±0,8	96,9±0,6	97,1±1,3
15	97,5±0,4	97,8±1,0	97,9±0,7	97,6±1,2	96,6±1,3	96,2±1,9
16	97,5±0,3	97,6±1,0	97,5±0,6	98,0±0,5	96,6±1,3	94,3±3,5
17	97,4±0,3	97,4±1,2	97,2±0,8	97,8±0,6	96,6±1,2	96,5±2,1
18	97,2±0,7	97,8±1,0	97,9±0,4	98,0±0,5	96,8±1,0	96,5±1,5
19	97,3±0,4	98,0±0,9	97,6±0,6	98,0±0,5	96,9±0,7	96,7±0,9
20	97,5±0,3	97,9±0,9	97,6±0,6	98,1±0,9	96,4±0,8	96,8±1,7
21	97,7±0,3	97,8±1,0	97,5±0,6	97,8±1,3	97,1±0,7	97,3±1,7
22	97,6±0,4	97,8±1,0	97,6±0,5	97,4±1,4	96,0±2,0	95,5±3,6
23	97,7±0,4	97,7±1,0	98,0±0,7	97,1±1,1	96,9±0,9	97,9±1,2
24	97,4±0,7	97,8±1,0	97,8±0,4	97,4±1,3	96,9±0,8	98,0±1,2
1	97,6±0,5	97,9±0,8	97,8±0,4	97,6±1,1	97,3±0,6	97,4±1,1
2	97,6±0,4	97,9±1,0	97,9±0,5	97,3±1,1	96,9±0,9	98,1±1,0
3	97,8±0,4	97,7±1,2	98,0±0,6	97,8±1,1	96,8±1,1	98,1±1,3
4	97,5±0,4	97,8±1,0	97,8±0,6	97,3±1,1	96,6±1,2	97,9±1,1
5	97,4±0,5	97,8±1,0	97,8±0,6	98,1±0,4	96,8±1,0	97,4±1,4
6	97,6±0,5	97,9±0,9	97,8±0,5	97,4±1,1	96,6±1,1	97,5±1,8
7	97,6±0,4	97,9±1,2	97,8±0,7	97,6±1,1	96,8±1,0	97,1±1,8

Достоверно значимых изменений мезора ЦР сатурации кислорода на протяжении комплексной интенсивной терапии не выявлено (таб.2). Колебания среднего циркадного ритма (СЦР) сатурации кислорода в циркадном ритме происходили в физиологически допустимых пределах. Отличий по возрасту, зависимости от вида инсуфляции кислородовоздушной смеси не выявлено (таб.3).

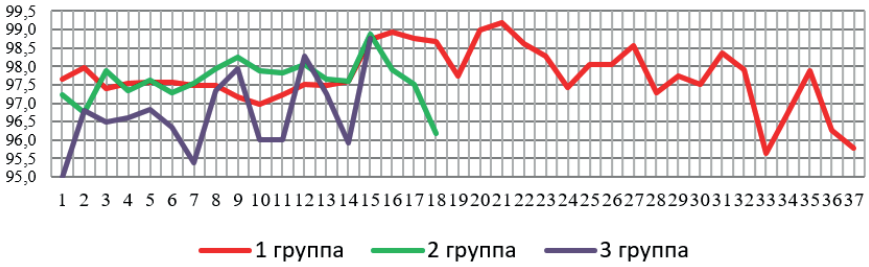

Рис. 1 Мезор ЦР сатурации кислорода в %.

Колебания мезора ЦР сатурации кислорода в 1, 2 и 3 группах в первые 10 суток происходили на уровне 97,5±0,1 %, 97,6±0,3 %, 96,5±0,5 %. После 11х суток отмечена наклонность к повышению уровня показателя в 1,2,3 группах до 97,8±0,1 %, 97,7±0,3 % и 97,2±0,2 %, соответственно, отличаясь от колебаний сатурации кислорода в первые 10 суток наклонностью к повышению (рис. 2,3,4).

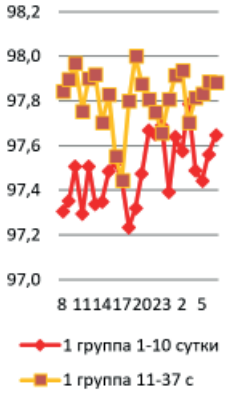

Рис. 2. СЦР сат.кис. в 1 гр.,%.

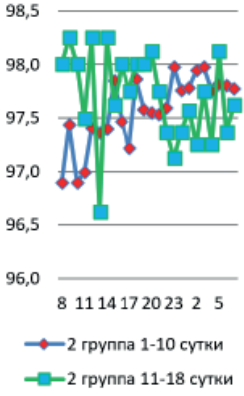

Рис. 3. СЦР сат. кисл. 2 гр.,%.

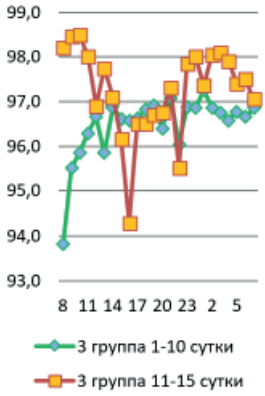

Рис.4. СЦР сат, кис. в 3 гр.

Таким образом, обращала внимание наклонность колебания СЦР сатурации кислорода на более высоком уровне в 1,2,3 группах на 11 сутки и последующие дни лечения. Скорее всего, выявленная особенность была обусловлена эффективностью противовоспалительной терапии лечения основного или сопутствующего инфекционного заболевания, прежде всего, пневмонии. Обнаруженное вполне логично объясняет наклонность к повышению

концентрации связанного с эритроцитами кислорода в процессе прекращения ИВЛ и перевода больных на самостоятельное дыхание.

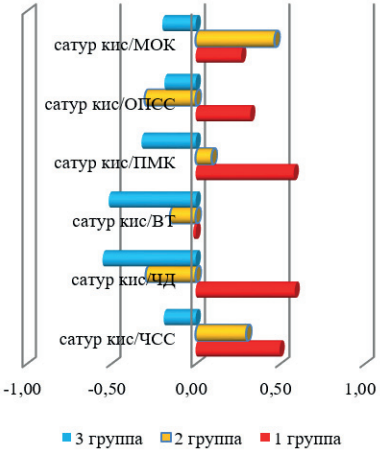

Рис. 5. Корреляционные связи 1–10 суток.

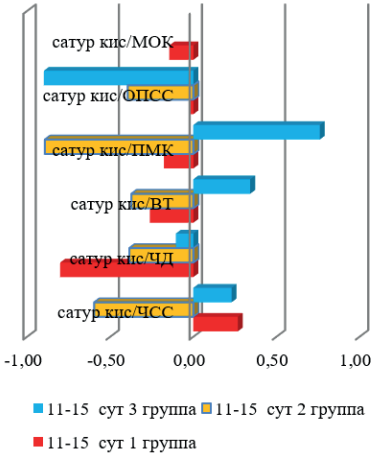

Рис. 6. Корреляции после 11х суток.

В первые 10 суток у пациентов раннего возраста выявлена тенденция прямой зависимости показателя сатурации кислорода от ЧСС (0,5), частоты дыхания (0,59), и прямая связь потребности миокарда в кислороде от уровня сатурации кислорода в крови (0,58). В динамике после 11х суток обнаружена только обратная зависимость сатурации кислорода от ЧД (0,8). Выявленное негативное влияние ЧД на сатурацию кислорода в группе характеризует негативное влияние на окигенацию крови учащения дыхания, то есть при тахипноэ, обусловленном снижением эффективности вентиляции легких. Возможно, выявленное соответствует обострению пневмонита в процессе пролонгированной комплексной интенсивной терапии почечной недостаточности в 1 группе. Во 2 группе обнаружена достоверно значимая отрицательная корреляционная связь ПМК и сатурации кислорода (–0,89) в более поздние сроки интенсивной терапии и значимая тенденция обратной зависимости сатурации кислорода от ЧСС (–0,6), что, по-видимому, объясняет положительное влияние роста сатурации на ПМК у детей 2 группы. В 3 группе достоверно значимая прямая корреляционная связь сатурации кислорода и ПМК (0,76), и обратная сатурации кислорода и ОПСС (–0,9) отражают положительное влияние роста сатурации кислорода на тонус периферических сосудов, уменьшая периферическое сопротивление. Возможно, повышение концентрации кислорода в крови оказывая стимулирующее влияние

на клеточный метаболизм вызывает в связи с активизацией клеточного метаболизма повышение ПМК, оказывая симпатомиметическое действие. Повышение показателя сатурации кислорода после 11х суток в 3 группе способствовало формированию гипердинамического типа гемодинамики в старшей возрастной группе.

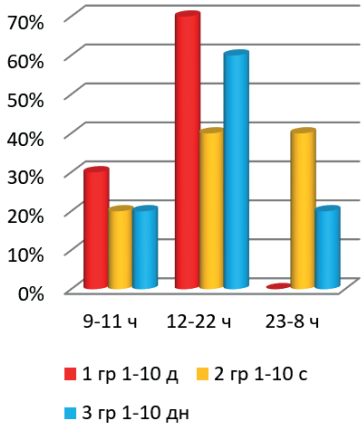

Рис. 7. Инверсия ЦР сат кис. в первые 10 суток.

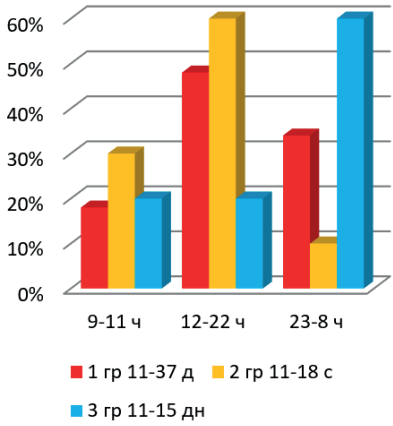

Рис. 8. инверсия после 11х суток лечения.

Сравнительная оценка стрессовой реакции циркадного ритма сатурации кислорода на тяжелую почечную недостаточность у детей позволила констатировать наиболее выраженную по продолжительности инверсию ЦР сатурации кислорода во 2 группе в первые 10 суток, составив 40 %. В последующие дни комплексной интенсивной терапии наиболее продолжительной оказалась инверсия в 3 группе (60 %). Таким образом, несмотря на сравнительно лучшие показатели у детей старшего возраста обнаружена наиболее значительная стрессовая перестройка фазовой структуры ЦР сатурации кислорода, соответствовавшая реакции анатомофизиологического более зрелого состояния дыхательного и других систем детского организма при тяжелой почечной недостаточности, что, по-видимому, увеличивало адаптивные возможности организма в старшем детском возрасте.

Вывод. Динамика мезора ЦР сатурации кислорода в первые 10 суток происходила в пределах допустимой нормы существенно не различаясь в возрастных группах. Выявленное подтверждает колебания показателя сатурации кислорода в циркадном ритме при тяжелой почечной недостаточности у детей. Эффективность проводимой комплексной интенсивной терапии

проявлялась наклонностью к повышению сатурации кислорода в процессе прекращения ИВЛ и перевода больных на самостоятельное дыхание.

Источники

1. https://el-klinika.ru/saturacziya-kisloroda-v-krovi/

2. https://detskiy-medcentr-spb.ru/diagnosis/funktsionalnaya-diagnostika/pulsoksimetriya/

3. https://cyberleninka.ru/article/n/diagnosticheskoe-znachenie-opredeleniya-velichiny-saturatsii-kisloroda-u-donoshennyh-novorozhdennyh

4. https://healthinform.ru/images/WHO-Pulse-Oximetry-Training-Manual-Final-Russian.pdf

5. http://reanimatologia.narod.ru/metodich_stud/pochechnaya_nedostatohnost_2011.pdf

DOI 10.34660/INF.2026.69.92.255

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Щербаков Кирилл Андреевич
доктор философии (PhD), доцент
Московский университет «Синергия»

Аннотация: *в статье рассматривается влияние цифровизации на повышение экономической эффективности сельскохозяйственного землепользования. Анализируются возможности применения геоинформационных систем, спутникового мониторинга, технологий точного земледелия и цифровой инвентаризации земель. Показано, что использование цифровых инструментов позволяет повысить качество управленческих решений, сократить отдельные производственные затраты и более рационально использовать земельные ресурсы. Отдельное внимание уделено ограничениям цифровизации, связанным с высокой стоимостью оборудования, кадровым дефицитом, качеством исходных данных и различиями в финансовых возможностях хозяйств. Сделан вывод о том, что наибольший экономический эффект достигается при комплексном использовании цифровых технологий в системе управления сельскохозяйственными землями.*

Ключевые слова: *земельные ресурсы, сельскохозяйственное землепользование, цифровизация, экономическая эффективность, точное земледелие, геоинформационные системы, мониторинг земель, аграрное производство*

Abstract: *the article examines the impact of digitalization on improving the economic efficiency of agricultural land use. Particular attention is paid to geographic information systems, satellite monitoring, precision farming technologies and digital land inventory. The study shows that the use of digital tools can improve the quality of management decisions, reduce certain production costs and ensure more rational use of land resources. The main constraints to digital transformation are also considered, including the high cost of equipment, shortage of qualified personnel, insufficient quality of initial data and differences*

in the financial capacity of agricultural enterprises. It is concluded that the greatest economic effect can be achieved through the integrated use of digital technologies within the agricultural land management system.

Keywords: *land resources, agricultural land use, digitalization, economic efficiency, precision farming, geographic information systems, land monitoring, agricultural production*

Введение

Современное сельскохозяйственное землепользование все в большей степени зависит не только от наличия земельных ресурсов, но и от качества управления ими. Рост затрат, необходимость повышения урожайности и усиление требований к рациональному использованию земель делают традиционные подходы к организации землепользования менее эффективными.

Одним из направлений решения этой задачи становится цифровизация. Использование геоинформационных систем, дистанционного мониторинга, технологий точного земледелия и автоматизированного учета позволяет получать более полную информацию о состоянии земель, оперативнее принимать управленческие решения и снижать часть производственных издержек.

Актуальность исследования определяется необходимостью оценки того, насколько цифровые инструменты способны повысить экономическую эффективность использования сельскохозяйственных земель.

Цель статьи заключается в рассмотрении основных направлений цифровизации управления земельными ресурсами и определении их влияния на эффективность сельскохозяйственного землепользования.

1. Экономические предпосылки цифровизации управления земельными ресурсами

Эффективность сельскохозяйственного землепользования определяется не только площадью и качеством угодий, но и тем, насколько рационально организовано управление ими. Региональные различия в уровне землеотдачи сохраняются значительными, что связано с природными условиями, структурой производства, обеспеченностью инфраструктурой и особенностями хозяйственного освоения территорий [2, с. 32–35]. При этом расширение площади используемых земель само по себе не гарантирует роста экономического результата.

В этих условиях возрастает значение технологий, позволяющих точнее учитывать состояние земель и производственные параметры. Точное земледелие дает возможность переходить от усредненных решений к дифференцированному использованию удобрений, средств защиты растений, техники и других ресурсов. Экономический эффект формируется за счет снижения части переменных затрат, повышения точности технологических операций

и более полного использования производственного потенциала сельскохозяйственных угодий [4, с. 21–28].

Практика применения цифровых решений показывает, что их внедрение способно заметно влиять на затраты и производительность. В частности, использование геоинформационных систем, беспилотных аппаратов и систем параллельного вождения позволяет сокращать расход отдельных ресурсов и повышать результативность технологических операций [1, с. 58–64]. Вместе с тем цифровизация требует первоначальных инвестиций, квалифицированных кадров и адаптации технологий к условиям конкретного хозяйства.

Поэтому экономический смысл цифровизации управления земельными ресурсами состоит не в самом использовании новых технических средств, а в повышении качества решений, принимаемых на основе более точной и оперативной информации. Именно этот фактор постепенно становится одним из условий роста эффективности современного сельскохозяйственного землепользования.

2. Цифровые инструменты и их влияние на эффективность землепользования

Цифровизация управления сельскохозяйственными землями постепенно выходит за пределы отдельных технологических операций. Она охватывает учет земельных участков, мониторинг их состояния, анализ урожайности, планирование производственных процессов и контроль использования ресурсов. За счет этого управление землепользованием становится более точным и основанным на фактических данных [5, с. 116–120].

Особое значение имеют геоинформационные системы, спутниковый мониторинг и цифровая инвентаризация земель. Их применение позволяет выявлять участки с различным уровнем продуктивности, фиксировать изменения в состоянии угодий и быстрее обнаруживать признаки нерационального использования земель [7, с. 488–491]. Для хозяйств это создает основу для более обоснованного распределения затрат и выбора технологий обработки.

На уровне аграрного производства цифровые решения способствуют повышению производительности и снижению ресурсной нагрузки. Зарубежные исследования также показывают положительную связь между уровнем цифровизации и общей факторной производительностью сельского хозяйства [10]. Экономический эффект особенно заметен там, где цифровые технологии используются не изолированно, а включаются в общую систему управления производством и земельными ресурсами.

Вместе с тем результативность цифровизации зависит от масштаба хозяйства, качества исходных данных, доступности техники и уровня подготовки персонала. Поэтому внедрение цифровых инструментов следует рассматривать как инвестиционный процесс, эффективность которого определяется соотношением первоначальных затрат и последующего

снижения издержек, повышения урожайности и качества управленческих решений [8, с. 16–19].

3. Ограничения цифровизации управления земельными ресурсами

Несмотря на очевидные преимущества цифровых технологий, их внедрение в сельскохозяйственное землепользование остается неравномерным. Наиболее серьезными ограничениями выступают стоимость оборудования и программного обеспечения, недостаток квалифицированных специалистов, а также слабая техническая обеспеченность части сельскохозяйственных организаций [6, с. 210–213].

Для небольших хозяйств дополнительной проблемой становится длительный срок окупаемости отдельных цифровых решений. Если площадь обрабатываемых земель невелика, приобретение дорогостоящего оборудования может не давать ожидаемого экономического эффекта. В таких условиях более рациональным вариантом может быть использование сервисных моделей, аренды техники или совместного доступа к цифровой инфраструктуре.

Сдерживающим фактором остается и качество исходной информации о земельных ресурсах. Ошибки в кадастровых данных, неполная инвентаризация угодий и отсутствие регулярного мониторинга снижают точность управленческих решений. Поэтому развитие цифрового землепользования должно сопровождаться обновлением информационной базы и совершенствованием систем учета земель [7, с. 485–493].

Зарубежный опыт показывает, что наибольший эффект достигается при комплексном использовании цифровых технологий, когда мониторинг, анализ данных и производственные решения объединены в единую систему [9]. В этом случае цифровизация становится не отдельным техническим элементом, а частью общего механизма повышения экономической эффективности сельскохозяйственного производства.

Заключение

Цифровизация управления земельными ресурсами становится важным условием повышения эффективности сельскохозяйственного землепользования. Ее экономический эффект проявляется в более точном планировании производственных операций, снижении части ресурсных затрат, улучшении контроля за состоянием земель и повышении обоснованности управленческих решений.

Вместе с тем результативность цифровых технологий зависит от уровня технической оснащенности хозяйств, качества исходных данных и наличия подготовленных специалистов. Поэтому дальнейшее развитие цифрового землепользования целесообразно связывать не только с приобретением оборудования, но и с формированием доступной информационной инфраструктуры, развитием сервисных моделей и совершенствованием систем мониторинга сельскохозяйственных земель.

В перспективе именно комплексное использование цифровых инструментов способно обеспечить более рациональное использование земельных ресурсов и создать дополнительные условия для роста экономической эффективности аграрного производства.

Список литературы

1. Байчорова Д. Н., Селина Е. В., Лытнев Н. Н. Экономическая эффективность применения точного земледелия с использованием высокотехнологичной сельскохозяйственной техники // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 6. С. 58–64. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.6.6.008. EDN: IDHNDW

2. Колесняк А. А., Полянская Н. М. Эффективность использования сельскохозяйственных угодий: региональный аспект // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 30–39. DOI: 10.36718/25001825-2022-4-30-39. EDN: NWMBJQ

3. Бунчиков О. Н., Джуха В. М., Ежов М. М. Эффективность использования сельскохозяйственных земель на уровне региона: анализ деятельности и стратегия развития // Московский экономический журнал. 2025. № 7. С. 192–203. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_7_187. EDN: OGTIGM

4. Нейфельд В. В., Кадомцева М. Е. Организационно-экономические аспекты повышения эффективности агропроизводства на основе технологий точного земледелия // Научные исследования и разработки. Экономика. 2021. Т. 9. № 2. С. 21–28. DOI: 10.12737/2587-9111-2021-9-2-21-28. EDN: YQNWKR

5. Чутчева Ю. В. Цифровая трансформация сельского хозяйства: от теории к практике // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12. № 4. С. 113–123. DOI: 10.29039/2500-1469-2024-12-4-113-123. EDN: TEMICE

6. Беликова И. П., Хамбулатова З. Р., Асхабалиев И. Ч. Цифровая трансформация сельского хозяйства России: современные тенденции и перспективы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 6. С. 207–215. DOI: 10.26726/rppe2025v6dtora. EDN: BRKCRY

7. Соловьёв В. И., Кузнецова А. А. Современные подходы к применению цифровых технологий при инвентаризации и классификации земель сельскохозяйственного назначения // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2026. № 6. С. 485–493. DOI: 10.33920/sel-04-2606-08. EDN: BTQCPV

8. Суровцев В. Н. Цифровая трансформация как фактор устойчивого роста объемов производства аграрной продукции // АПК: экономика, управление. 2024. № 5. С. 12–21. DOI: 10.33305/245-12. EDN: CPIRUL

9. Papadopoulos G., Arduini S., Uyar H., Psiroukis V., Kasimati A., Fountas S. Economic and environmental benefits of digital agricultural technologies in crop production: A review // Smart Agricultural Technology. 2024. Vol. 8. Article 100441. DOI: 10.1016/j.atech.2024.100441. EDN: BVIYEL

10. Fu W., Zhang R. Can Digitalization Levels Affect Agricultural Total Factor Productivity? Evidence From China // Frontiers in Sustainable Food Systems. 2022. Vol. 6. Article 860780. DOI: 10.3389/fsufs.2022.860780. EDN: VAREEO

11. Lun R., Liu W., Li G., Luo Q. Does Digital Agricultural Technology Extension Service Enhance Sustainable Food Production? Evidence from Maize Farmers in China // Agriculture. 2024. Vol. 14. No. 2. Article 292. DOI: 10.3390/agriculture14020292. EDN: TFBQHV

DOI 10.34660/INF.2026.70.36.248

УДК 339.137.2

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Романова Анна Андреевна
магистрант
Владивостокский государственный университет,
Владивосток, Россия

Аннотация. *В условиях высокой динамичности внешней среды наличие конкурентных преимуществ само по себе не гарантирует устойчивого повышения эффективности деятельности организации. Практическая проблема заключается в необходимости выделения тех преимуществ, которые одновременно обладают стратегической значимостью, устойчивостью и способны обеспечивать измеримый экономический, рыночный и организационно-управленческий эффект. Цель исследования состоит в систематизации методических подходов к оценке конкурентных преимуществ и разработке интегрированного подхода к определению степени их влияния на эффективность деятельности. На основе сравнительного анализа стратегических, ресурсных и результативных инструментов предложен авторский методический подход, включающий идентификацию конкурентных преимуществ, оценку их стратегической силы, определение влияния на показатели эффективности и последующую приоритизацию. Практическое применение подхода позволяет выделить стратегическое ядро конкурентных преимуществ и обосновать направления концентрации ресурсов организации.*

Ключевые слова: *конкурентные преимущества, конкурентоспособность, эффективность деятельности, стратегическое управление, оценка конкурентных преимуществ, устойчивое конкурентное преимущество, приоритизация.*

Abstract. *The existence of competitive advantages does not by itself guarantee sustainable improvement in organizational performance. The study systematizes methodological approaches to assessing competitive advantages and proposes*

an integrated framework for evaluating their strategic strength and impact on performance. The proposed approach includes identification of competitive advantages, assessment by customer value, uniqueness, difficulty of imitation, sustainability and manageability, evaluation of their influence on financial, market, operational and managerial outcomes, and subsequent prioritization. The framework makes it possible to identify the strategic core of competitive advantages and substantiate resource allocation priorities.

Keywords: *competitive advantage, competitiveness, organizational performance, strategic management, assessment, prioritization.*

Введение

Современная конкурентная среда характеризуется ускорением технологических изменений, ростом прозрачности рынков и быстрым распространением управленческих и продуктовых решений. В таких условиях сильная сторона организации далеко не всегда сохраняет статус конкурентного преимущества: то, что сегодня отличает компанию от конкурентов, может быть воспроизведено, обесценено изменением спроса или перестать создавать заметный результат. Поэтому центральной задачей стратегического управления становится не только поиск преимуществ, но и оценка их устойчивости и фактического вклада в эффективность деятельности.

Современные исследования рассматривают конкурентные результаты через сочетание рыночных условий, стратегических способностей, ресурсов и организационных механизмов. Н. И. Гусева и О. Ю. Трубникова связывают конкурентные результаты со стратегическими способностями организации и отмечают фрагментарность подходов к их определению и классификации [1]. Е. Ю. Кузнецова с соавторами подчёркивают роль организационных способностей и кооперационных взаимодействий в обеспечении конкурентоспособности среднего бизнеса [2]. Исследование российских быстрорастущих компаний показывает значимость предпринимательского потенциала, клиентоориентированности, технологических новшеств и способности занимать свободные рыночные ниши [3].

Одновременно возникает методическая проблема. Наличие ценного ресурса или развитой компетенции не означает автоматически, что организация получает устойчивый экономический эффект. Современная литература подчёркивает необходимость операционализации понятия конкурентного преимущества и его связи с созданием и извлечением экономической ценности [5]. Эмпирические работы также показывают, что конкурентное преимущество связано с результатами деятельности через промежуточные организационные способности, стратегию и условия конкурентной среды [6; 7].

Цель исследования – систематизировать существующие методические подходы к оценке конкурентных преимуществ организации и разработать интегрированный подход к оценке их влияния на эффективность деятельности. Для достижения цели использованы методы анализа и синтеза, сравнительного анализа, классификации, систематизации и логического моделирования.

1. Сравнительный анализ методических подходов к оценке конкурентных преимуществ

В практике стратегического управления используется широкий набор инструментов, однако каждый из них решает ограниченный круг задач. SWOT-анализ позволяет систематизировать сильные и слабые стороны, возможности и угрозы, но не даёт самостоятельной оценки устойчивости преимущества и его вклада в результат. PESTEL-анализ раскрывает изменения макросреды, однако практически не характеризует внутренние источники превосходства.

Отраслевой анализ на основе конкурентных сил позволяет определить давление внешней среды и факторы отраслевой привлекательности. Современное эмпирическое исследование K. Baird, N. Nuhu и L. Jiao показывает, что связь интенсивности конкурентных сил с конкурентным преимуществом и организационной результативностью зависит от применяемых управленческих практик и стратегии [6]. Следовательно, одинаковые внешние условия способны приводить к разным результатам у организаций с различными управленческими механизмами.

Ресурсный анализ и логика VRIO акцентируют внимание на ценности, редкости и трудности имитации ресурсов. Этот подход особенно значим для определения устойчивости преимущества. Его развитие видно в исследованиях, посвящённых искусственному интеллекту: А. В. Трачук и Н. В. Линдер показывают, что внедрение ИИ способно одновременно разрушать прежние и создавать новые некопируемые преимущества за счёт взаимодополнения человеческих и технологических ресурсов [4]. Однако ресурсная оценка сама по себе не устанавливает, насколько конкретное преимущество влияет на выручку, рентабельность, удержание клиентов или производительность.

Финансово-экономический анализ, напротив, хорошо фиксирует результат деятельности, но обычно не отвечает на вопрос о его источнике. Наблюдаемое улучшение рентабельности может быть связано с ценовой политикой, сервисом, брендом, цифровизацией процессов или внешней конъюнктурой. Поэтому для принятия управленческих решений важно соединить оценку источника преимущества и оценку его результата.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика инструментов оценки конкурентных преимуществ

Инструмент	Объект оценки	Преимущество	Ограничение
SWOT-анализ	Внешние и внутренние факторы	Комплексный первичный обзор	Субъективность; не измеряет устойчивость и эффект
PESTEL-анализ	Макросреда	Выявляет внешние изменения	Не оценивает внутренние источники преимущества
Анализ конкурентных сил	Отраслевая среда	Оценивает конкурентное давление	Не раскрывает внутреннюю природу преимущества
VRIO / ресурсный анализ	Ресурсы и компетенции	Оценивает устойчивость и имитируемость	Слабо связывает ресурс с конкретным результатом
Бенчмаркинг	Сравнение с конкурентами	Показывает относительное положение	Зависит от доступности сопоставимых данных
Финансовый анализ	Результаты деятельности	Количественно измеряет эффект	Фиксирует следствие, но не источник преимущества

2. Авторский методический подход к оценке конкурентных преимуществ

Проведённый сравнительный анализ позволяет выделить методический разрыв между диагностикой источников конкурентного преимущества и оценкой результатов деятельности. Для его сокращения предлагается рассматривать конкурентное преимущество как характеристику, которая одновременно: создаёт значимую ценность; отличает организацию от конкурентов; обладает определённой устойчивостью; может быть поддержана организацией; проявляется в измеримых результатах.

Предлагаемый методический подход включает четыре последовательных этапа: 1) идентификация фактических и потенциальных конкурентных преимуществ; 2) оценка их стратегической силы; 3) оценка влияния на эффективность деятельности; 4) приоритизация конкурентных преимуществ и формирование управленческих решений.

На первом этапе формируется перечень конкурентных преимуществ. Источниками информации могут быть данные о клиентах и конкурентах, результаты анализа бизнес-процессов, экспертные оценки, показатели качества, маркетинговая аналитика и финансовая отчётность. Для упорядочения анализа преимущества целесообразно группировать как продуктовые, ценовые, клиентские и сервисные, ресурсные, кадровые, организационно-управленческие, технологические и цифровые, маркетинговые и репутационные.

На втором этапе оценивается стратегическая сила преимущества. Предлагаются пять критериев: потребительская ценность (V), уникальность (U), трудность имитации (I), устойчивость (S) и управляемость (M). Использование данных критериев развивает ресурсную логику, но дополняет её ориентацией на потребителя и возможностью управленческого воздействия. Каждый критерий может оцениваться по пятибалльной шкале; при необходимости вводятся весовые коэффициенты.

$$\mathbf{CA_i = \Sigma\, w_j \cdot b_{ij},}$$

где CA_i – интегральная оценка стратегической силы i-го конкурентного преимущества; w_j – вес j-го критерия; b_{ij} – оценка i-го преимущества по j-му критерию.

На третьем этапе определяется влияние конкурентного преимущества на эффективность деятельности. Эффективность предлагается оценивать по четырём группам результатов: финансово-экономическим, рыночным, операционным и организационно-управленческим. Такой подход позволяет не сводить результативность только к финансовым коэффициентам и учитывать механизмы, через которые преимущество формирует итоговый эффект.

Для каждого преимущества строится причинная цепочка «источник преимущества – непосредственный результат – промежуточный показатель – итоговый эффект». Например, высокий уровень сервиса способен повышать удовлетворённость, удержание клиентов и частоту повторных обращений, что в дальнейшем отражается на выручке и клиентской ценности. Цифровизация процесса может сокращать время операции и количество ошибок, повышая производительность и снижая удельные затраты.

Эмпирические исследования подтверждают целесообразность подобной логики. F. Fakhreddin, P. Foroudi и K. Kooli показывают цепочку «организационные способности – конкурентные преимущества – рыночные и финансовые результаты» на данных B2B-компаний [7]. M. S. Yavuz, H. S. Tatlı и G. Bozkurt демонстрируют положительную связь цифровой трансформации с финансовыми результатами, операционной эффективностью и ценностью бренда [8]. В исследовании A. A. Otopah с соавторами показано, что влияние цифровой трансформации на результаты малого и среднего бизнеса опосредуется конкурентной стратегией и адаптивными способностями [9].

$$\mathbf{EP_i = \Sigma\, v_k \cdot p_{ik},}$$

где EP_i – интегральная оценка влияния i-го конкурентного преимущества на эффективность; v_k – вес k-й группы результатов; p_{ik} – оценка влияния преимущества на соответствующую группу результатов.

3. Матрица приоритизации конкурентных преимуществ

Совместное использование показателей CA и EP позволяет разграничить устойчивость конкурентного преимущества и его фактическую

результативность. Это необходимо, поскольку сильное и трудно копируемое преимущество может быть недостаточно монетизировано, а фактор с высоким текущим эффектом может оказаться легко воспроизводимым конкурентами.

На основе сочетания двух показателей предлагается матрица приоритизации, позволяющая распределить преимущества по четырём управленческим зонам.

Таблица 2 – Матрица приоритизации конкурентных преимуществ

Стратегическая сила	Влияние на эффективность	Тип	Управленческое решение
Высокая	Высокое	Стратегическое ядро	Защищать, развивать, направлять приоритетные ресурсы
Низкая / средняя	Высокое	Уязвимое результативное	Укреплять устойчивость и барьеры для имитации
Высокая	Низкое	Потенциальное / латентное	Искать механизм монетизации и усиления эффекта
Низкая	Низкое	Неприоритетное	Сокращать инвестиции или исключать из стратегического фокуса

Первая зона формирует стратегическое ядро конкурентных преимуществ организации. К нему относятся преимущества, одновременно обладающие высокой стратегической силой и выраженным влиянием на результативность. Именно такие преимущества должны получать приоритет при распределении инвестиционных, кадровых и управленческих ресурсов.

Вторая зона включает результативные, но уязвимые преимущества. Они уже создают эффект, однако могут быстро утрачиваться вследствие имитации или изменения условий среды. Управленческая задача заключается в повышении их устойчивости, создании организационных, технологических, репутационных или ресурсных барьеров для копирования.

Третья зона объединяет сильные, но недостаточно монетизированные преимущества. Здесь организация обладает реальным потенциалом, однако не получает соответствующего результата. Это требует поиска механизма коммерциализации, изменения бизнес-модели или уточнения клиентской ценности.

Четвёртая зона включает факторы с низкой стратегической силой и слабым влиянием на эффективность. Они не должны автоматически исключаться, однако объём направляемых на них ресурсов должен быть ограничен до появления доказательств их стратегической значимости.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что оценка конкурентных преимуществ не должна ограничиваться перечнем сильных сторон организации или сравнением отдельных параметров с конкурентами. Стратегические и ресурсные методы позволяют определить потенциальные источники преимущества, а финансово-экономический анализ – зафиксировать результат, однако между этими блоками сохраняется методический разрыв.

Для его сокращения предложен интегрированный подход, включающий идентификацию конкурентных преимуществ, оценку их стратегической силы, определение влияния на финансово-экономические, рыночные, операционные и организационно-управленческие результаты и последующую приоритизацию. Авторский подход разграничивает два самостоятельных измерения: способность преимущества сохранять стратегическую значимость и способность преимущества создавать измеримый результат.

Практическим результатом применения подхода является выделение стратегического ядра конкурентных преимуществ и формирование обоснованных приоритетов распределения ресурсов. Дальнейшее исследование предполагает апробацию предложенной методики на материалах конкретной организации, уточнение отраслевой системы показателей и количественную проверку взаимосвязи конкурентных преимуществ с динамикой эффективности деятельности.

Список использованных источников

1. Гусева Н. И., Трубникова О. Ю. Стратегические способности как основа достижения конкурентных результатов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2024. Т. 59. № 2. С. 205–233. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-2-10.

2. Кузнецова Е. Ю., Амосов Н. А., Подоляк О. О., Кузьмин В. В. Организационные факторы обеспечения конкурентоспособности предприятий среднего бизнеса в информационно-сетевой экономике // Векторы благополучия: экономика и социум. 2024. Т. 52. № 4. С. 15–35. DOI: 10.18799/26584956/2024/4/1801.

3. Смирнова С. Е., Андреев Н. Е., Моргачёв М. М. Конкурентные преимущества российских быстрорастущих компаний // Вестник Евразийской науки. 2024. Т. 16. № s1. 31FAVN124. URL: https://esj.today/PDF/31FAVN124.pdf (дата обращения: 15.09.2026).

4. Трачук А. В., Линдер Н. В. Принятие решений о внедрении искусственного интеллекта и трансформация источников некопируемых конкурентных преимуществ // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2024. Т. 15. № 2. С. 134–151. DOI: 10.17747/2618-947X-2024-2-134-151.

5. Urbanek G. The Essence and Measurement of a Competitive Advantage // European Research Studies Journal. 2024. Vol. XXVII. Issue 3. P. 1373–1390.

6. Baird K., Nuhu N., Jiao L. The Effect of Porter's Competitive Forces on Competitive Advantage and Organisational Performance and the Moderating Role of Management Accounting Practices // Journal of Management Control. 2024. Vol. 35. P. 303–332. DOI: 10.1007/s00187-024-00375-4.

7. Fakhreddin F., Foroudi P., Kooli K. The Influence of Key Account Management on Competitive Advantage and Firm Performance: A Dynamic Capability Approach // Industrial Marketing Management. 2025. Vol. 124. P. 266–286. DOI: 10.1016/j.indmarman.2024.12.002.

8. Yavuz M. S., Tatlı H. S., Bozkurt G. Exploring the Financial Impact of Digital Transformation: A Comprehensive Analysis on Firms // Journal of Innovation & Knowledge. 2025. Vol. 10. Issue 5. Art. 100795. DOI: 10.1016/j.jik.2025.100795.

9. Otopah A. A., Tulasi E. E., Amofah O., Asare-Yeboa I. T. Driving SMEs Performance through Digital Transformation: The Mediating Role of Competitive Strategy and Adaptive Capability // Journal of Strategy and Management. 2026. Vol. 19. No. 2. P. 251–269. DOI: 10.1108/JSMA-03-2025-0089.

DOI 10.34660/INF.2026.70.53.103

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЦЕСС РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Зарипов Рустам Наилевич
аспирант
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. *В статье обосновывается необходимость перехода от антикризисной, эпизодической модели реструктуризации к непрерывной, адаптивной системе преобразований, интегрированной в стратегическое управление предприятием. Раскрываются ключевые свойства современного процесса реструктуризации – непрерывность, адаптивность и конкурентоспособность – через призму цифровой трансформации бизнес-процессов. Определяются факторы устойчивой конкурентоспособности, организационно-управленческие требования к построению механизма реструктуризации и принципы управления рисками. Дается авторское определение понятия реструктуризации бизнес-процессов промышленного предприятия.*

Ключевые слова: *реструктуризация, цифровая трансформация, промышленные предприятия, непрерывность, адаптивность, конкурентоспособность, управление изменениями, цифровая экономика, бизнес-процессы.*

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы показывает, что понятие «реструктуризация» претерпело значительную эволюцию. В период 1990-х – начала 2000-х годов в российской научной среде доминировал антикризисный подход [8]. Н. В. Фейгельман обосновывает, что реструктуризация целесообразна, как правило, на стадии глубокого кризиса, а также тогда, когда текущее состояние предприятия является удовлетворительным, но прогнозируемая перспектива его существования неблагоприятна [9]. К. Е. Локшин понимает под реструктуризацией фундаментальные комплексные изменения в виде трансформации структуры бизнеса и образа функционирования

компании, охватывающие практически все аспекты её деятельности с целью преодоления кризисных явлений и повышения эффективности в конкурентной борьбе [4].

Однако к началу прошлого десятилетия подходы к пониманию роли реструктуризации существенно изменились [7]. Постепенно в научной среде и среди практиков утвердилось более широкое понимание реструктуризации – как способа стратегического развития предприятия, где финансовое оздоровление выступает лишь элементом и этапом общего процесса преобразования деятельности предприятия, включая изменение его структуры, трансформацию бизнес-процессов и системы управления [3].

Особенностью реструктуризации в современных условиях является то, что она проводится не только на проблемных предприятиях, но и на достаточно успешно функционирующих [1]. Ряд авторов сознательно подчёркивают внимание на конкурентном векторе преобразований, отмечая, что реструктуризация бизнеса – это процесс, направленный на создание условий для эффективного использования всех факторов производства с целью повышения финансовой устойчивости и роста конкурентоспособности компании [2, 5].

Современная часть исследований связана с переосмыслением роли реструктуризации в условиях цифровой трансформации экономики [6, 7, 10]. Отмечается, что в последнее время реструктуризация может быть следствием приложения новых цифровых технологий и решений в рамках развития цифровой среды и формирования цифровой экономики. В результате реструктуризация в современных условиях перестаёт быть исключительно антикризисной мерой, трансформируясь в перманентный процесс адаптации к динамичной цифровой среде.

Обобщая результаты библиографического анализа, приходим к выводу, что в настоящее время реструктуризация – это целенаправленная деятельность по трансформации организационной, технологической, финансово-экономической деятельности промышленных предприятий, целью которой является улучшение деятельности предприятия в долгосрочном периоде с учётом всех факторов воздействия. Реструктуризация становится частью стратегического управления предприятием.

На основе углублённого анализа сформулировано следующее определение: ***реструктуризация бизнес-процессов промышленного предприятия*** – это комплекс взаимосвязанных мероприятий по стратегической трансформации организационной, технологической, финансово-экономической, логистической деятельности промышленных предприятий, направленных на улучшение результатов функционирования предприятия и формирования резерва роста его конкурентоспособности в долгосрочном периоде с учётом внешних и внутренних факторов воздействия и требований цифровизации.

Современный этап применения инструментария реструктуризации обеспечивает промышленным предприятиям возможность осуществления цифровой трансформации их бизнес-процессов и деятельности в целом, что позволяет им получить дополнительные конкурентные преимущества. Как отмечают исследователи, увеличение производительности, новые интерактивные формы взаимодействия с клиентом, автоматизированное принятие управленческих решений – это лишь некоторые примеры потенциальной выгоды от внедрения цифровых инструментов.

Цифровая трансформация кардинально меняет структуру, состав и состояние основных элементов производства. Место работы становится виртуальным, время – более гибким благодаря асинхронным коммуникациям, инструменты деятельности становятся цифровыми, а процессы, включая процесс принятия решений,– автоматизированными. Это требует переосмысления традиционных подходов к организации производственной деятельности и внесения необходимых институциональных и организационных изменений в уровне цифрового развития предприятия, которые наиболее эффективно реализуются в рамках реструктуризации.

Успешная реструктуризация промышленного предприятия представляет собой многоуровневый процесс, где стратегические решения должны быть подкреплены операционными изменениями и поддержаны командой. Нужно выделить четыре взаимосвязанных группы факторов организации процесса реструктуризации.

1, Фундаментальные факторы (формируются на уровне стратегического управления) включают: чёткое стратегическое видение и обоснование целей реструктуризации; авторитетное и целеустремлённое руководство, обладающее волей для принятия непопулярных решений; предварительную комплексную и честную диагностику всех сфер деятельности предприятия «как есть».

2. Ключевые операционные факторы (уровень тактического управления): детальный, реалистичный и интегрированный план реструктуризации в форме пошаговой дорожной карты; жёсткий ежедневный контроль за денежными потоками; оптимизация основных бизнес-процессов с применением инструментов бережливого производства.

3. Ресурсные и человеческие факторы (уровень управления ресурсами): система поддержки и открытой коммуникации с персоналом для снижения сопротивления изменениям; привлечение внешней поддержки (кредиторов, инвесторов, государственных органов); сбалансированность между мерами экономии и инвестициями в развитие.

4. Инфраструктурные факторы (уровень инфраструктурного обеспечения): эффективная система управления проектами изменений; изменение корпоративной культуры в направлении ответственности и непрерывного улучшения; внедрение современных информационных систем (ERP, MES).

Провал на любом из факторов первой группы с высокой вероятностью приводит к краху всей реструктуризации, даже если все остальные элементы реализованы безупречно. Недооценка факторов второй и третьей групп ведёт к потенциальной опасности формирования неустойчивости в достижении результатов, когда предприятие после кратковременного улучшения возвращается в кризисное состояние.

На основе вышеизложенного можно сформулировать понятие ***механизма реструктуризации,*** под которым понимается непрерывная реализация комплекса организационно-экономических мероприятий по координации и согласованию трансформационных действий с учётом требований цифровизации системы управления, организационной структуры, технологической и инвестиционной составляющих и других бизнес-процессов предприятия, их адаптации к изменениям во внешней и внутренней среде.

Также нужно отметить, что эффективная реструктуризация невозможна без системного управления рисками. Предложен цикл управления рисками и возможностями, включающий шесть ключевых этапов: идентификация, анализ и оценка, разработка ответных мер, планирование и реализация, мониторинг и отчётность, создание организационной культуры и инфраструктуры управления рисками.

Категоризация рисков включает стратегические (отсутствие целостной стратегии цифровизации, слабая связь с бизнес-целями), организационные и кадровые (сопротивление персонала, дефицит квалифицированных кадров), технологические (разрозненность ИТ-инфраструктуры, низкое качество данных) и финансовые (недооценка полной стоимости проекта, скрытые издержки). Кроме того, статистика показывает, что около 48 % провалов проектов цифровизации связаны со сложностями совмещения нового программного обеспечения с существующей корпоративной инфраструктурой, а 61 % провальных проектов обусловлены недооценкой полной стоимости проекта реструктуризации.

В заключении исследования нужно отметить, что современный процесс реструктуризации промышленных предприятий претерпел фундаментальную трансформацию и превращается от эпизодической антикризисной меры в непрерывный, адаптивный процесс, интегрированный в систему стратегического управления и направленный на долгосрочное повышение конкурентоспособности.

Разработанный подход к пониманию сущности и механизма реструктуризации, а также предложенные принципы управления факторами и рисками реструктуризации могут служить методологической основой для формирования стратегий и программ преобразований на промышленных предприятиях в условиях цифровой экономики. Перспективы дальнейших исследований

связаны с разработкой методики количественной оценки эффективности реструктуризации с учётом цифровой составляющей и эмпирической верификацией предложенной модели на данных российских промышленных предприятий.

Список литературы

1. Бухонов С. М., Кафтан Е. С. Причины неудач реструктуризации промышленных предприятий // Экономический анализ: теория и практика.– 2018.– № 4.– С. 32–38.

2. Гайфуллина М. М., Маков В. М., Павлова Ю. А. Реструктуризация компании в условиях рыночных изменений // Креативная экономика.– 2019.– Т. 13, № 2.– С. 325–334.

3. Коснецкий Н. Ф., Янковский Е. Я. Управление структурными преобразованиями на предприятии.– СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019.– 188 с.

4. Локшин К. Е. Реструктуризация бизнеса: теория и практика.– М.: Дело, 2018.– 256 с.

5. Мешкова Е. Д., Тинькова Е. В. Причины и направления реструктуризации современных организаций // Вестник университета.– 2020.– № 5.– С. 155–160.

6. Мовсисян А. С., Гуськова Н. Д. Факторы, влияющие на устойчивую конкурентоспособность предприятий в условиях цифровизации экономики // Экономика и управление: проблемы, решения.– 2026.– Т. 1, № 1.– URL: http://edrj.ru/article/15–01–26.

7. Подборнова Е. С. Key priorities of the digital transformation of the Russian industrial sector // Вестник Самарского университета. Экономика и управление.– 2026.– Т. 17, № 1.– С. 176–184.– DOI: 10.18287/2542-0461-2026-17-1-176-184.

8. Пятак А. А. Банкротство как стратегический инструмент реструктуризации // Арбитражный управляющий.– 2019.– № 6.– С. 42–47.

9. Фейгельман Н. В. Реструктуризация промышленного предприятия как инструмент антикризисного управления // Экономические науки.– 2018.– № 12.– С. 179–183.

10. Цифровая трансформация промышленности: материалы Всероссийской конференции ИНП РАН (2 октября 2025 г.).– М.: ИНП РАН, 2026.– URL: https://ecfor.ru.

DOI 10.34660/INF.2026.70.75.149

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Тегин Дмитрий Аркадьевич
аспирант
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Аннотация. *В статье исследуются факторы повышения экономической безопасности российских предприятий в условиях геополитической нестабильности, санкционных ограничений, высокой стоимости заемного капитала и изменений инфраструктуры валютных расчетов. Обосновано, что в новых геополитических условиях внешние шоки воздействуют на устойчивость предприятия не в изолированном виде, а через изменение ликвидности, стоимости финансирования, надежности расчетов и качества активов. Особое внимание уделено проблемным активам как внутреннему каналу трансформации внешнего риска в угрозу финансовой устойчивости российских предприятий. Предложена систематизация внешних и внутренних факторов экономической безопасности и классификация предприятий по доле проблемных активов: низкий, средний, высокий и критический уровни риска. Для практической реализации риск-ориентированного подхода предложено дифференцировать интенсивность управленческого воздействия в зависимости от доли проблемных активов в совокупных активах предприятия. Сформулирован комплекс мер, включающий инвентаризацию и классификацию активов по жизнеспособности, усиление кредитного мониторинга, сценарный анализ проявления санкционных, процентных и валютных рисков, диверсификацию расчетной и ресурсной базы, а также применение цифровых механизмов раннего предупреждения проблемности активов. Сделан вывод о необходимости перехода от реактивного управления последствиями к превентивной модели экономической безопасности, интегрированной с системой управления проблемными активами.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, финансовая устойчивость, проблемные активы, санкционные риски, кредитный риск, ключевая ставка, валютный риск, риск-менеджмент, раннее предупреждение.*

Введение

Современная система экономической безопасности российских предприятий формируется в условиях, когда традиционные рыночные риски дополняются геополитическими ограничениями, нарушением привычных расчетных и логистических цепочек, ростом стоимости капитала и повышенной волатильностью валютных курсов. В результате устойчивость предприятия определяется уже не только эффективностью использования ресурсов, но и способностью своевременно выявлять внешние ограничения, оценивать их влияние на активы и обязательства и перестраивать финансово-хозяйственные процессы без существенной потери стоимости бизнеса.

Экономическую безопасность предприятия целесообразно рассматривать как состояние защищенности его ключевых экономических интересов, при котором обеспечиваются устойчивость текущей деятельности, сохранение ресурсного потенциала и возможность достижения стратегических целей бизнеса. Существенным компонентом такой безопасности выступает финансовая безопасность, поскольку именно через ликвидность, платежеспособность, структуру капитала и качество активов проявляется значительная часть внешних и внутренних угроз.

Цель статьи заключается в систематизации факторов, определяющих экономическую безопасность российских предприятий в новых геополитических условиях, и в обосновании комплекса мер, направленных на снижение негативного воздействия санкционного, процентного, валютного и кредитного рисков. Методологическую основу составили системный и риск-ориентированный подходы, методы анализа, классификации и обобщения.

Система факторов экономической безопасности предприятия

Факторы экономической безопасности представляют собой совокупность внешних и внутренних условий, способных как повышать устойчивость предприятия, так и формировать угрозы его финансовому и производственному потенциалу [1]. Для целей управления их целесообразно разделять на внешние и внутренние, поскольку характер управленческой реакции на них принципиально различается: внешние факторы невозможно устранить на уровне отдельного предприятия, однако их влияние можно прогнозировать и ограничивать, в то время как внутренние факторы находятся в зоне прямого управленческого воздействия.

К внешним макроэкономическим факторам экономической безопасности предприятия относятся состояние национальной финансовой системы, инфляционная динамика, денежно-кредитная политика регулятора, стабильность нормативного регулирования, покупательная способность населения, доступность внешнего и внутреннего финансирования. Рыночные факторы включают динамику спроса, цены на сырье и готовую продукцию,

конкурентную среду, емкость рынка и платежеспособность контрагентов. Отдельную группу образуют технологические, демографические, криминогенные и природно-климатические факторы. В новых геополитических условиях к этой системе необходимо дополнительно относить ограничения трансграничных расчетов, санкционные запреты, ограничения доступа к технологиям и отдельным рынкам.

К внутренним факторам экономической безопасности предприятия относятся структура и ликвидность активов, обеспеченность собственными оборотными средствами, долговая нагрузка, рентабельность активов, состояние основных фондов, качество внутреннего контроля, степень диверсификации поставщиков, компетентность персонала и зрелость системы риск-менеджмента. Именно на стыке внешних и внутренних факторов формируется фактический уровень устойчивости: один и тот же внешний шок может быть нейтральным для компании с высокой ликвидностью и диверсифицированной ресурсной базой и критическим для предприятия с высокой долговой нагрузкой и концентрацией расчетов на одном канале.

Таблица 1. Факторы риска экономической безопасности и механизмы их нейтрализации

Группа факторов	Проявление риска	Воздействие	Меры реагирования
Санкционные	Блокировка расчетов, активов и каналов поставок	Снижение ликвидности и оборачиваемости активов	Диверсификация банков, расчетных маршрутов и поставщиков
Процентные	Рост стоимости заемного капитала	Снижение рентабельности и способности обслуживать долг	Стресс-тестирование долга, ограничение кредитов с плавающей ставкой
Валютные	Колебания курсов и изменение валютной структуры расчетов	Переоценка активов и обязательств, рост себестоимости	Сопоставление валютной структуры денежных притоков и оттоков, ограничение открытых валютных позиций
Кредитные	Ухудшение платежеспособности контрагентов	Рост просроченной дебиторской задолженности	Раннее предупреждение, лимиты, обеспечение и мониторинг
Внутренние	Низкая ликвидность и накопление проблемных активов	Замораживание капитала и снижение финансовой устойчивости	Инвентаризация, классификация и реабилитация активов

Проблемные активы как канал трансформации внешнего риска

Одним из наиболее значимых внутренних факторов финансовой уязвимости предприятия является накопление проблемных активов. Автором предлагается рассматривать проблемные активы предприятия как активы, которые потенциально способны обладать определенной коммерческой ценностью, но ввиду определенного обременения их использование сопровождается повышенным уровнем риска утраты имущества, снижения доходов или возникновения убытков. В банковской практике наиболее очевидным проявлением проблемности выступает нарушение заемщиком графика обслуживания долга, в международной практике важным ориентиром является просрочка платежа свыше 90 дней [3; 5].

Согласно данным Банка России, по итогам 2025 г. доля проблемных активов в корпоративном кредитном портфеле составляла 4,3 %, при этом уровень их покрытия резервами достигал около 80 %. Вместе с тем в сегменте малого и среднего предпринимательства к I кварталу 2026 г. доля кредитов IV–V категорий качества увеличилась до 7,6 %, что свидетельствует о более высокой чувствительности данного сегмента к ухудшению макроэкономических условий [12; 13].

Для предприятия реального сектора понятие проблемного актива шире. К нему могут относиться просроченная дебиторская задолженность, обесценившиеся финансовые вложения, активы, доступ к которым ограничен внешними запретами, неэффективные или технологически устаревшие основные средства, а также инвестиции, не генерирующие запланированный денежный поток. В новых геополитических условиях часть активов может становиться проблемной не вследствие ухудшения их физических характеристик, а вследствие изменения правового или расчетного режима: ограничений на трансграничные операции, невозможности использования привычной инфраструктуры либо резкого роста транзакционных издержек. [6; 7].

Тем самым внешнее санкционное событие преобразуется во внутреннюю угрозу через следующую цепочку: ограничение доступа или расчетов, снижение ликвидности и оборачиваемости, снижение денежных потоков, рост долговой нагрузки и просрочки, обесценение актива. Эта логика позволяет рассматривать управление проблемными активами не как отдельную процедуру взыскания или списания, а как компонент системы экономической безопасности предприятия.

Санкционный, процентный и валютный риски в новой модели безопасности

Санкционное давление формирует специфический набор рисков, для которых характерна высокая скорость реализации и слабая предсказуемость. Ограничения могут затрагивать расчеты, финансирование, доступ к технологиям, логистику, страхование и защиту активов в иностранных юрисдикциях.

Для предприятия критично не само наличие внешнего ограничения, а степень его воздействия. Поэтому основным инструментом устойчивости становится диверсификация: банков-контрагентов, валют расчетов, платежной инфраструктуры, поставщиков, логистических маршрутов и рынков сбыта.

Процентный риск в условиях высокой ключевой ставки проявляется прежде всего через удорожание финансирования. Наиболее уязвимы компании с высокой долей краткосрочного долга и обязательств по плавающей ставке. Рост стоимости заемного капитала снижает запас финансовой прочности, ухудшает показатели покрытия долга и процентов и способен переводить ранее устойчивые проекты в категорию экономически неэффективных. Поэтому в системе экономической безопасности необходимо оценивать не только текущую долговую нагрузку, но и ее чувствительность к изменению ставок, включая стресс-сценарии финансирования.

Валютный риск усиливается вследствие изменения структуры внешней торговли и расчетов, что диктует необходимость перехода к более широкому использованию альтернативных валют и поддерживать несколько расчетных маршрутов. Для предприятий-импортеров ослабление национальной валюты увеличивает себестоимость, для экспортеров – меняет рублевую стоимость выручки и долговых обязательств. Механизм управления должен строиться на сопоставлении валютной структуры денежных притоков и оттоков и лимитировании открытой валютной позиции.

Риск-ориентированная классификация проблемных активов

Для повышения уровня экономической безопасности предлагается использовать классификацию предприятий по доле проблемных активов в совокупном объеме активов. Данная шкала носит методический характер и предназначена для выбора интенсивности управленческих мер, а не для замены нормативных показателей конкретных отраслей.

При доле проблемных активов до 10% уровень риска может рассматриваться как низкий: предприятие, как правило, способно провести реабилитацию активов за счет внутренних ресурсов. Диапазон от 10 до 20% соответствует среднему уровню и требует усиленного мониторинга, ограничения высокорисковых операций и пересмотра инвестиционных приоритетов. Доля от 20 до 40% указывает на высокий риск и необходимость программы финансового оздоровления, реструктуризации долговой и активной части баланса. Превышение 40% предлагается относить к критическому уровню, при котором стандартных мер управления уже недостаточно и требуется комплексное антикризисное вмешательство.

Предлагаемые значения являются авторскими ориентировочными параметрами риск-ориентированной модели и предназначены для определения интенсивности управленческого воздействия.

Таблица 2. Предлагаемая матрица управленческих мер в зависимости от доли проблемных активов предприятия.

Доля ПА в совокупных активах	Уровень риска	Дополнительное финансирование жизнеспособных ПА	Реструктуризация ПА	Реализация или списание нежизнеспособных ПА	Режим мониторинга
До 10%	Низкий	до 20–25% стоимости ПА	до 10% ПА	до 10% ПА	ежеквартально
От 10 до 20%	Средний	до 15–20% стоимости ПА, только для активов с положительным денежным потоком	до 20% ПА	до 20% ПА	ежемесячно
От 20 до 40%	Высокий	не более 5–10% стоимости ПА, исключительно для экономически жизнеспособных активов	до 40% ПА	до 40% ПА	не реже 1 раза в месяц, а по ключевым ПА еженедельно
Свыше 40%	Критический	новое финансирование допускается только как элемент утвержденного плана финансового оздоровления	до 50% ПА	от 40% ПА	еженедельно

Для практической реализации риск-ориентированной модели предлагается дифференцировать интенсивность управленческого воздействия в зависимости от доли проблемных активов в совокупных активах предприятия. При их доле до 10% допустимо применение преимущественно восстановительных инструментов, включая дополнительное финансирование жизнеспособных активов в размере до 20–25% их стоимости. При увеличении доли проблемных активов до 10–20% объем дополнительного финансирования предлагается ограничивать 15–20% стоимости ПА, одновременно увеличивая долю активов, подлежащих реструктуризации, до 20%.

При достижении проблемными активами уровня 20–40% приоритет должен смещаться от дополнительного финансирования к реструктуризации и сокращению проблемного портфеля. Дополнительное финансирование в данном случае целесообразно ограничивать 5–10% стоимости ПА и предоставлять исключительно активам, в отношении которых подтверждена экономическая жизнеспособность и возможность восстановления положительного денежного потока. Одновременно не менее 20–30% проблемных активов необходимо рассматривать в качестве кандидатов на реализацию либо списание.

При превышении доли проблемных активов 40% состояние предприятия предлагается квалифицировать как критическое. В таком случае предоставление дополнительного финансирования должно носить исключительный характер и осуществляться только в рамках формализованного плана финансового оздоровления. Приоритетными инструментами становятся реструктуризация обязательств, реализация активов и сокращение проблемного портфеля, причем доля активов, подлежащих продаже либо списанию, должна составлять не менее 40–50% объема ПА.

Направления повышения экономической безопасности российских предприятий

Проведенный анализ позволяет сформулировать комплекс взаимосвязанных мер. Во-первых, необходима регулярная инвентаризация активов с их разделением на жизнеспособные, потенциально жизнеспособные и нежизнеспособные. Для каждой группы должны применяться разные инструменты: дополнительное финансирование и восстановление, реструктуризация, продажа либо списание. Такой подход соответствует логике управления проблемной задолженностью, в рамках которой ранняя диагностика и классификация повышают вероятность восстановления стоимости активов [3; 4].

Во-вторых, требуется усиление кредитного мониторинга и мониторинга контрагентов. Финансовый анализ должен дополняться анализом нефинансовых индикаторов: изменениями структуры собственников и руководства, судебными спорами, нарушением сроков предоставления отчетности, изменением географии поставок, потерей ключевых рынков и ростом санкционной уязвимости. Результатом должна стать система раннего предупреждения, в которой ухудшение совокупности индикаторов автоматически приводит к пересмотру лимитов, условий оплаты, обеспечения или уровня резервирования.

В-третьих, целесообразно интегрировать санкционный, процентный и валютный риск в единую систему сценарного анализа. Минимальный набор сценариев должен включать блокировку отдельного расчетного канала, рост стоимости фондирования, задержку поставок, резкое изменение курса расчетной валюты и дефолт ключевого контрагента. Для каждого сценария следует рассчитывать влияние на ликвидность, денежный поток, долговую нагрузку и долю проблемных активов.

В-четвертых, существенный потенциал имеет цифровизация мониторинга. Информационная система управления рисками, использующая агрегированные финансовые и нефинансовые данные, способна выявлять отклонения раньше, чем они проявятся в форме просрочки.

В-пятых, повышение уровня экономической безопасности требует формализации ответственности за качество активов. Функции финансового подразделения, казначейства, риск-менеджмента, юридической службы,

закупок и службы экономической безопасности должны быть объединены в сквозной процесс: выявление риска, оценка воздействия, выбор меры реагировани, контроль результата. Фрагментарное управление отдельными рисками в новых условиях приводит к запозданию реакции и увеличению совокупных потерь.

Заключение

Экономическая безопасность российских предприятий в новых геополитических условиях определяется способностью организации не только сохранять платежеспособность, но и быстро адаптировать структуру активов, обязательств и деловых связей к изменению внешних ограничений. Санкционные, процентные и валютные риски становятся взаимосвязанными: каждый из них способен через ухудшение ликвидности и денежных потоков ускорять формирование и накопление проблемных активов.

Научно-практический результат исследования состоит в обосновании подхода, при котором проблемные активы рассматриваются как ключевой внутренний канал трансформации внешнего шока в угрозу финансовой устойчивости. Предложенная классификация доли проблемных активов позволяет дифференцировать интенсивность управленческого воздействия и перейти от разрозненных мер реагирования к риск-ориентированной модели.

Повышение уровня экономической безопасности требует перехода от реактивного реагирования к проактивному управлению: систематической инвентаризации активов, мониторингу контрагентов, сценарному стресс-тестированию, диверсификации расчетной инфраструктуры и цифровизации раннего предупреждения. Именно интеграция этих инструментов с управлением проблемными активами создает условия для сохранения стоимости бизнеса и устойчивого функционирования предприятия в условиях длительной неопределенности.

Список литературы

1. Лукасевич И. Я. Финансовый менеджмент: в 2 ч. Ч. 1. Основные понятия, методы и концепции: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 377 с.

2. Пименов Н. А. Управление финансовыми рисками в системе экономической безопасности: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 353 с.

3. Управление проблемной банковской задолженностью / под ред. А. М. Смулова. М.: ИНФРА-М, 2022. 352 с.

4. Космачева Н. М., Стецюнич Ю. Н. Оценка качества управления кредитными рисками в банках по критерию просроченной задолженности // Экономика нового мира. 2018. № 4 (12). С. 47–58.

5. Гудипати Раджендера Кумар. Понимание неработающих активов и их воздействие на банковский сектор // The Hans India. 2019. 11 октября. Электронный ресурс.

6. Древинг С. Р., Конин И. В. Управление портфелем проблемных активов в условиях экономической неопределенности // Вестник евразийской науки. 2020. № 3 (34). С. 1–9.

7. Гурьянов А. В., Плотников В. А., Юсуфова А. М. Система внутреннего контроля предприятия как инструмент обеспечения экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2024. № 1 (181). С. 74–83.

8. Сафиуллин А. Р., Соколова Т. С. Экономическая безопасность предприятий нефтегазового сектора в условиях санкций // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2024. № 2 (106). С. 61–67.

9. Игонина Е. С., Шох М. А., Клочухина Ю. А., Бардаков А. А. Риски и угрозы экономической безопасности промышленного сектора Российской Федерации в новых экономических условиях // На страже экономики. 2025. № 1. С. 29–42.

10. Смирнова И. В. Государственная поддержка в условиях санкций как инструмент повышения экономической безопасности малого и среднего бизнеса // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2025. № 1. С. 101–111.

11. Унижаев Н. В., Шедько Ю. Н., Власенко М. Н. Аудит политики экономической безопасности организации в условиях действующих санкционных ограничений // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8. № 10. С. 3075–3094.

12. Банк России. Обзор финансовой стабильности. IV квартал 2024 г. – I квартал 2025 г. М.: Банк России, 2025. Электронный ресурс.

13. Банк России. Итоги работы Банка России за 2025 год: обеспечение устойчивости финансового рынка. М.: Банк России, 2026. Электронный ресурс.

14. Банк России. Обзор финансовой стабильности. IV квартал 2025 г. – I квартал 2026 г. М.: Банк России, 2026. Электронный ресурс.

15. Банк России. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. М.: Банк России, 2026. Электронный ресурс.

16. Basel Committee on Banking Supervision. Problem assets // Basel Consolidated Guidelines. Bank for International Settlements. PAP10. 2026. Electronic resource.

DOI 10.34660/INF.2026.70.82.097

О ПЕРЕХОДЕ НА ПОЭТАПНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Урывкова Анастасия Евгеньевна
аспирант
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. *Рассматривая мнения ученых в области уголовно-процессуального права на проблему существования стадии возбуждения уголовного дела в системе российского уголовного судопроизводства, автор формулирует выводы о сохранении указанной стадии, а также вносит предложение о поэтапном рассмотрении заявления, сообщения о преступлении и принятии решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, что будет способствовать развитию правозащитной системы стадий уголовного процесса.*

Ключевые слова: *стадии уголовного процесса, стадия возбуждения уголовного дела, правозащитное назначение стадии возбуждения уголовного дела, процессуальная проверка сообщения о преступлении.*

Annotation. *Examining the views of scholars in the field of criminal procedure law on the issue of whether the stage of initiating a criminal case should exist within the system of Russian criminal proceedings, the author formulates conclusions regarding the retention of this stage and also puts forward a proposal for a stepbystep consideration of an application or report of a crime and the decision to initiate or refuse to initiate a criminal case – which will contribute to the development of the human rights protection system at the stages of criminal proceedings.*

Keywords: *stages of the criminal process, stage of initiation of a criminal case, human rights assignment of the stage of initiation of a criminal case, procedural verification of a crime report.*

Стадия возбуждения уголовного дела уже не одно десятилетие подвергается серьёзной критике. Так, в первой половине XX века достаточно долго дискуссионным являлся вопрос об отсутствии у нее самостоятельности, ввиду этого она определялась как начальный момент предварительного расследования[1]. Иными словами, стадия полностью игнорировалась и воспринималась, как некий, не обладающий самостоятельностью, придаток стадии «предварительное расследование», знаменующий её начало. Позднее эта точка зрения была подвергнута некоторой корректировке, но, тем не менее, сохранила свою суть. В частности, отдельные авторы, рассматривая как систему уголовного процесса, так и его структуру, вели речь о некоем «движении уголовного дела». Например, по мнению П. С. Элькинд, «уголовно-процессуальное право определяет порядок производства по уголовным делам; уголовный процесс – это само производство, движение уголовных дел соответственно точно установленной уголовно-процессуальным правом процедуре, переход из одной стадии в другую»[2]. В свою очередь Ю. К. Якимович считал, что уголовное судопроизводство представляет собой систему стадий движения уголовного дела и систему отдельных производств[3].

Представляется, что упомянутые подходы нельзя признать оправданными, поскольку они нивелируют проверку сообщения о преступлении и, как следствие, стадия возбуждения уголовного дела выводится за рамки уголовного процесса, по сути, оставаясь ничем иным, как «начальным моментом предварительного расследования», то есть его своеобразным несамостоятельным истоком.

Между тем, во-первых, в соответствии со ст. 140 УПК РФ именно на этой стадии определяется законность повода для возбуждения уголовного дела, которым, согласно позиции законодателя, является: заявление о преступлении;

---

[1] Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса / А. Я. Вышинский.– М.: Юриздат, 1927. С. 145; Дорохов В. Л. Возбуждение уголовного дела как первоначальная часть стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе / В. Л. Дорохов // Ученые записки Пермского государственного университета.– 1955.– Вып. 4.– Т. 10. С. 114–117; Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А. Р. Михайленко.– Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 5; Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н. Н. Полянский.– М., 1960. С. 123–125.

[2] Элькинд П. С. Цели и средства в советском уголовно-процессуальном производстве / П. С. Элькинд.– Л., 1976. С. 28.

[3] Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств: основные и дополнительные производства / Ю. К. Якимович.– Томск, 1991. С. 4.

явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании; «исключительный налоговый повод» для возбуждения уголовного дела. Вследствие этого не ясно, если проверка законности повода осуществляется за рамками уголовного процесса, то каким образом результат этой проверки, являющийся первой из двух составляющих принятия законного и обоснованного процессуального решения о возбуждении уголовного дела (отказе в таковом), может инициировать «движение уголовного дела». Равным образом не ясно, как установление наличия (отсутствия) основания для возбуждения уголовного дела (являющееся второй составляющей принятия законного и обоснованного процессуального решения, с той или иной степенью завершающего рассматриваемую стадию), которое в совокупности с законностью повода является своеобразной «точкой отсчёта» для уголовного преследования (отказа в нем), может осуществляться за рамками уголовного процесса. Во-вторых, в продолжение первого пункта, на базе данных, содержащихся в материалах указанной проверки, определяется наличие (отсутствие) основания для возбуждения уголовного дела (то есть признаков, возможно готовящегося или совершённого преступления, предусмотренного конкретной нормой уголовного закона) и, как следствие, принимается процессуальное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом. Иными словами, упомянутое выше «движение» уголовного дела невозможно без его предварительного возбуждения, для которого, по справедливому мнению авторов ключевого для уголовно-процессуальной науки очерка ее развития, достаточно обоснованного фактическими данными предположения о совершенном или готовящемся противоправном деянии[1]. В противном случае не ясно, что является отправной точкой этого «движения».

Более радикально настроенные представители науки уголовного процесса предлагают, а нередко в весьма категоричной форме настаивают на упразднении проверки сообщения о преступлении и, как следствие, предлагают законодателю путем внесения изменений в уголовно-процессуальный закон исключить нормы, регламентирующие стадию возбуждения уголовного дела[2].

---

[1] Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж, 1980. С. 168.

[2] Александров А. С., Грачев, С. А. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении / А. С. Александров, С. А. Грачев // Уголовный процесс. – 2015. – № 7. С. 14–21; Вицин С. Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве / С. Е. Вицин // Российская юстиция. – 2003. – № 6.

В. В. Кожокарь приводит такой аргумент против стадии возбуждения уголовного дела – высокое число нарушений, ежегодно допускаемых в ходе проверки сообщения о преступлении[1]. Сходный аргумент приводит И. В. Овсянников, указывая на то, что количество нарушений, допускаемых при производстве следствия и дознания, существенно ниже числа нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении[2].

Со своей стороны отметим, что, учитывая значительное число ошибок и упущений, которые допускаются в процессе расследования преступлений, полагаем, что, если следовать логике автора, то необходимо также упразднить стадию предварительного расследования и, как следствие, ликвидировать этот процессуальный институт.

При этом считаем важным учитывать проблемы, которые возникают в правоприменительной практике. И одна из них – негативные последствия привлечения сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность для проведения проверок сообщений о преступлениях и принятия соответствующих процессуальных решений (о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела).

Во-первых, суть этой негативной практики заключается в том, что она влечет за собой существенное сокращение времени, которое сотрудники оперативных подразделений уделяют своей основной работе – предупреждению и раскрытию преступлений.

Во-вторых, сложившаяся негативная практика усугубляется недостаточно высоким уровнем подготовки сотрудников оперативных подразделений к выполнению функций органа дознания и, в частности, поведению и процессуальному оформлению проверок сообщений о преступлениях. Низкое качество процессуальных проверок, проводимых оперативными сотрудниками, влечет за собой рост числа незаконных и необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел.

С. 54–56; Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела как правовое препятствие доступа граждан к правосудию: в цифрах и фактах / Б. Я. Гаврилов // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей по материалам Международной конференции.– М., 2025. С. 24–31; Манова Н. С. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ / Н. С. Манова // Российский судья.– 2003.– № 5. С. 21–24.

[1] Кожокарь В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук / В. В. Кожокарь.– М., 2016. С. 16, 123.

[2] Овсянников И. В. Стадия возбуждения уголовного дела в свете назначения и принципов уголовного судопроизводства / И. В. Овсянников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025.– № 3 (107). С. 57–63.

Таким образом, налицо серьезная проблема, от решения которой зависит как качество оперативно-розыскной деятельности, так результаты деятельности правоприменителей на стадии возбуждения уголовного дела. Однако она вполне решаема, в том числе в рамках реализации идеи о стадийности российского уголовного судопроизводства как наиболее важной гарантии прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений, в рамках развития правозащитного назначения стадии возбуждения уголовного дела.

Так, на наш взгляд, целям развития уголовно-процессуальных гарантий стадийного построения российского уголовного процесса будет соответствовать разделение также стадии возбуждения уголовного дела на этапы.

На первом этапе при поступлении заявления, сообщения о преступлении или ином правонарушении, например, в орган внутренних дел, руководство органа дознания должно поручать его проверку сотруднику органа дознания, не являющемуся дознавателем специального подразделения дознания или следователем, в соответствии с его направлением деятельности – оперативному сотруднику уголовного розыска или отдела по борьбе с экономическими преступлениями и противодействием коррупции, участковому уполномоченному полиции или инспектору подразделения по делам несовершеннолетних. При установлении в ходе проверки сообщения отсутствия признаков правонарушения или преступления материал списывается в номенклатурное дело. При выявлении административного правонарушения принимается решение в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях (рассматривается самостоятельно органом внутренних дел или передается по подведомственности, в том числе в суд). В иных случаях, в том числе при выявлении признаков преступления материал так называемой «доследственной проверки» передается дознавателю или следователю по подследственности.

На втором этапе – дознаватель, следователь изучают материал проверки сообщения о преступлении, при необходимости проводят дополнительные следственные и иные процессуальные действия и принимают решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела (в соответствии с особенностями, установленными законом для утверждения и согласования принимаемых решений дознавателем и следователем).

На третьем этапе – начальник органа дознания (начальник подразделения дознания), руководитель следственного органа (в рамках ведомственного процессуального контроля) и прокурор (при осуществлении надзорной деятельности), а также суд (в случае обжалования в суд принятого решения) осуществляют проверку законности и обоснованности принятого дознавателем, следователем решения.

Представленная схема поэтапного принятия решения по заявлению, сообщению о преступлении или ином правонарушении образует структуру правозащитной модели стадии возбуждения уголовного дела. На каждом последующем этапе осуществляется проверка ранее принятого решения, что в наибольшей степени отражает систему уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. При этом самое главное, что материал проверки сообщения о преступлении не будет переходить на следующий этап при отсутствии к тому оснований, что будет ставить границу для вторжения в систему прав личности, барьер для применения мер государственного принуждения.

Предложенный поэтапный механизм стадии возбуждения уголовного дела помимо прочего ограничит полномочия сотрудников органа дознания, не являющихся дознавателями специализированных подразделений дознания и не обладающих полномочиями следователей, в принятии решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Ведь именно незаконные и необоснованные решения в этой сфере (обусловленные попыткой снижения уровня регистрации преступлений, которые со всей очевидностью останутся нераскрытыми) ограничивают право на доступ граждан (потерпевших от преступлений) к правосудию.

Для решения указанной проблемы, как видится, на втором из предложенных этапов именно следователи и дознаватели по результатам дополнительной процессуальной проверки сообщения о преступлении будут принимать взвешенное законное и обоснованное решение (без давления со стороны статистических показателей об уровне раскрываемости преступлений). Указанные идеи, как представляется, при их реализации будут способствовать развитию правозащитного механизма на стадии возбуждения уголовного дела.

Список литературы

1. Александров, А.С., Грачев, С. А. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении / А. С. Александров, С. А. Грачев // Уголовный процесс. – 2015. – № 7. – С. 14–21.

2. Алексеев, Н.С., Даев, В.Г., Кокорев, Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж, 1980. – 251 с.

3. Вицин, С. Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве / С. Е. Вицин // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 54–56.

4. Вышинский, А. Я. Курс уголовного процесса / А. Я. Вышинский. – М.: Юриздат, 1927. – 222 с.

5. Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела как правовое препятствие доступа граждан к правосудию: в цифрах и фактах / Б. Я. Гаврилов // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей по материалам Международной конференции. – М., 2025. – С. 24–31.

6. Дорохов, В. Л. Возбуждение уголовного дела как первоначальная часть стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе / В. Л. Дорохов // Ученые записки Пермского государственного университета. – 1955. – Вып. 4. – Т. 10. – С. 108–121 с.

7. Кожокарь, В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Кожокарь. – М., 2016. – 301 с.

8. Манова, Н. С. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ / Н. С. Манова // Российский судья. – 2003. – № 5. – С. 21–24.

9. Михайленко, А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А. Р. Михайленко. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. – 150 с.

10. Овсянников, И. В. Стадия возбуждения уголовного дела в свете назначения и принципов уголовного судопроизводства / И. В. Овсянников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. – № 3 (107). – С. 57–63.

11. Полянский, Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – М., 1960. – 212 с.

12. Элькинд, П. С. Цели и средства в советском уголовно-процессуальном производстве / П. С. Элькинд. – Л., 1976. – 143 с.

13. Якимович, Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств: основные и дополнительные производства / Ю. К. Якимович. – Томск, 1991. – 138 с.

DOI 10.34660/INF.2026.71.13.033

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ПРИГОВОРЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕВЫПЛАТЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ВЫНЕСЕНИЯ

Черемисина Татьяна Владимировна
старший преподаватель
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева

Аннотация. *В статье анализируются причины вынесения оправдательных приговоров по уголовным делам о невыплате заработной платы и служебном подлоге, с акцентом на типичные недостатки предварительного расследования и проблемы доказывания. Особое внимание уделено процессуальным и материально-правовым факторам. Результаты исследования позволяют выработать практические рекомендации по совершенствованию методики расследования и повышению эффективности уголовного преследования по уголовным делам указанной категории.*

Ключевые слова: *оправдательный приговор; невыплата заработной платы; присвоение и растрата; уголовное преследование; доказывание в уголовном процессе.*

Преступления, связанные с невыплатой заработной платы, занимают особое место в структуре экономической преступности и вызывают значительный общественный резонанс. Их повышенная социальная опасность обусловлена не только прямым материальным ущербом, причиняемым потерпевшим, но и подрывом доверия к институтам правопорядка, нарушением фундаментальных трудовых прав граждан и дестабилизацией социально-экономической обстановки. При этом практика рассмотрения уголовных дел данной категории демонстрирует относительно высокую долю оправдательных приговоров, что свидетельствует о существенных сложностях в доказывании виновности, неоднозначности толкования отдельных признаков составов преступлений и недостаточности отдельных элементов доказательственной базы, формируемой на этапе предварительного расследования.

Важность тщательного и всестороннего расследования указанных преступлений обусловлена необходимостью обеспечения баланса между защитой

прав потерпевших и соблюдением принципа презумпции невиновности. Выявление и систематизация причин вынесения оправдательных приговоров позволяют не только оценить эффективность правоприменительной практики, но и определить наиболее уязвимые звенья процесса доказывания, выработать рекомендации по совершенствованию методики расследования, а также повысить качество взаимодействия следственных органов с участниками уголовного судопроизводства. Анализ таких причин имеет существенное теоретическое и прикладное значение для дальнейшего развития уголовно-правовой политики в сфере защиты трудовых и имущественных прав граждан [1].

В 2025 г. отмечен рост количества обращений по фактам невыплаты заработной платы на 32%. Кроме того, в целях защиты прав участников специальной военной операции (в том числе мобилизованных) и членов их семей организовано рассмотрение 83262 обращений (на 41% больше, чем в 2024 году) по фактам неполной выплаты денежного довольствия и иных выплат, надлежащего оказания медицинской помощи военнослужащим, о содействии в розыске родственников и по иным вопросам [4, с. 48].

В первую очередь, необходимо охарактеризовать состав данного преступления. Субъект преступления специальный – к уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 1451 УК РФ, может быть привлечен строго определенный круг лиц: либо руководитель организации, либо работодатель – физическое лицо. В соответствии со ст. 273 ТК РФ руководителем организации признается физическое лицо, которое в соответствии с указанным Кодексом, законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, учредительными документами юридического лица (организации) и локальными нормативными актами осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа. Кроме того, субъектом преступления может являться лицо, формально не имеющее статуса единоличного исполнительного органа, однако фактически выполняющее эти управленческие функции. Следует отметить, что в тех случаях, когда работодатель не выплачивал заработную плату в течение уголовно-наказуемого периода, а после его увольнения осведомленный о наличии задолженности по заработной плате и имеющий возможность погасить ее новый руководитель в течении двух месяцев с момента назначения продолжал не выплачивать заработную плату, в действиях последнего также имеется состав преступления, предусмотренный ст. 1451 УК РФ. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что необоснованно не выплачивает заработную плату, пенсию, стипендию, пособие или иную установленную законом выплату и желает выполнить такую невыплату. Обязательным признаком является мотив преступления – корыстная или

иная личная заинтересованность лица, обязанного обеспечить обозначенные в статье выплаты. Объектом преступления выступают общественные отношения, связанные с конституционным правом гражданина на труд, защиту от безработицы и социальное обеспечение. Объективная сторона выражается в бездействии в течение свыше двух или трех месяцев подряд.

Исследованию подлежит период образования задолженности по заработной плате (иным выплатам) по каждому факту невыплаты свыше двух месяцев и место совершения преступления – фактическое местонахождение работодателя – физического лица, организации или ее структурного подразделения.

Состав преступления будет отсутствовать тогда, когда до наступления двухмесячного срока с даты возникновения у работодателя обязанности выплаты зарплаты, производится погашение задолженности, а затем выплаты вновь не осуществляются. Факт выплаты прерывает установленный уголовным законом период невыплаты (более

Под частичной невыплатой (ч. 1 ст. 1451 УК РФ) следует понимать осуществление платежей в размере менее 50 % подлежащей выплате суммы свыше трех месяцев.

Квалифицированный вид преступления (ч. 2 ст. 1451 УК РФ) образует бездействие, которое состоит в полной невыплате установленных законом выплат (отсутствие платежа) или выплате заработной платы в размере ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (МРОТ) свыше двух месяцев. При наличии решения гражданского суда, которым с работодателя в пользу работника взыскана задолженность по заработной плате, следует учитывать, что судом МРОТ рассчитывается исходя из размера, установленного региональным соглашением.

В частности, на протяжении длительного периода времени, невзирая на разъяснения Верховного суда Российской Федерации, среди практических работников не сложилось единого понимания корыстной и иной личной заинтересованности – аналогичные деяния при схожих обстоятельствах получают противоположную оценку. Формируются разные подходы к интерпретации фактического допуска к работе, что приводит к несогласованности в решениях судов и созданию правовой неопределенности для сторон трудового спора. Судебная практика сталкивается с проблемой определения периода, который считается отработанным для целей начисления заработной платы. Сказанное актуализирует потребность в повышении эффективности противодействия невыплате заработной платы и иных обязательных платежей, выработке единых подходов и их апробации на всей территории страны [2, с. 39].

Изучение следственно-судебной практики обнаруживает ряд вопросов, либо не получивших отражение в поименованном акте судебного толкования, либо требующих дополнительного анализа трудового, уголовного

и уголовно-процессуального законодательства. Различная интерпретация приводит к снижению эффективности противодействия нарушению конституционных прав граждан и требует выработки единого подхода к правоприменению [3, с. 90].

Так, мировой судья судебного участка № 11 по Нижнекамскому судебному району Республики Татарстан 23.12.2024 вынес оправдательный приговор по ч. 2 ст. 1451 УК РФ. Судья указал, что следствием не установлено, в чем заключалась корыстная заинтересованность при невыплате заработной платы работникам ООО «СКМ». Получение Х. личной финансовой выгоды и повышенной заработной платы от деятельности общества материалами дела не подтверждается [6, с. 4].

Уголовно наказуемые нарушения в сфере выплаты заработной платы могут быть квалифицированы и как служебный подлог. Причиной вынесения оправдательного приговора может послужить неполнота проведенного предварительного расследования и отсутствие прямых доказательств стороны обвинения.

Подсудимый А., в 20218–2019 гг. состоя в должности главного бухгалтера ГУП «Атлас», по мнению органов предварительного расследования, совершил служебный подлог, то есть внесение должностным лицом в официальный документ заведомо ложных сведений, совершенное из иной личной заинтересованности, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан, а также охраняемых законом интересов государства. Так, согласно показаниям допрошенного в судебном заседании свидетеля М., подсудимый А. представлял на электронном носителе отчетности в ООО «Спектр» для передачи по телекоммуникационным каналам в контролирующие органы, и А. принес ему для отправки электронный документ на электронном носителе.

Между тем, в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства того, что представленная в ООО «Спектр» в качестве официального документа информационная заявка с расчетом по страховым взносам с заведомо ложными сведениями о работающих в ГУП лицах в количестве 9257 человек отвечает требованиям закона, предъявляемых к электронным документам, и была подписана электронной подписью. Каких-либо данных о том, что у А. имелась в распоряжении электронная подпись руководителя ГУП, в материалах уголовного дела не содержится. Бумажный носитель, то есть подлинник информационной заявки с расчетом по страховых взносам, который можно было рассматривать в качестве официального документа, в материалах уголовного дела также отсутствует. Таким образом, доводы стороны защиты о том, что подсудимым А. в ООО «Спектр» не представлялась для направления в МИФНС России № 2 по Республике Ингушетия информационная заявка с расчетом по страховым взносам, содержащая заведомо ложные сведения о работающих в ГУП «Атлас» лицах в количестве 9257 человек, достоверно

не опровергнуты. Более того, не нашли своего подтверждения в ходе судебного разбирательства и доводы стороны обвинения о наличии у А. умысла на совершение инкриминируемого преступления.

Так, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, характеризуется прямым умыслом и наличием специального мотива: корыстной или иной личной заинтересованности. Между тем, в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие о наличии у А. какой-либо заинтересованности в совершении подлога. При таких обстоятельствах суд не нашел оснований для вынесения в отношении подсудимого А. обвинительного приговора и оправдал его по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 292 УК РФ, в связи с непричастностью к совершению преступления. Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Ингушетия от 26.08.2025 приговор оставлен без изменения причиной вынесения оправдательного приговора [5, с. 14].

В процессе правоприменения критически важным представляется исчерпывающее установление всех элементов состава преступления, что является необходимым условием корректной юридической квалификации деяния и обеспечивает соответствие принимаемого решения требованиям законности и обоснованности. Отсутствие должной детализации хотя бы одного из элементов состава способно привести к ошибочной квалификации, нарушению принципа справедливости и последующему пересмотру процессуального решения в вышестоящих инстанциях.

Неотъемлемым компонентом эффективного правоприменения является формирование достаточной доказательственной базы, отвечающей критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Сбор доказательств должен осуществляться в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, что гарантирует их юридическую силу и устойчивость в ходе судебного разбирательства. Существенную роль в обеспечении полноты и объективности установления обстоятельств дела играет привлечение специалистов, обладающих узкопрофильными знаниями и навыками: их участие позволяет корректно интерпретировать сложные фактические данные, провести необходимые исследования и сформировать обоснованные выводы по вопросам, требующим специальной экспертизы.

В ходе расследования каждого уголовному делу следует определить, где проходит граница между объективной невозможностью выплатить заработную плату и виновным уклонением от выплат? Особенное внимание требуется уделить формулировке обвинения в части доказывания корыстной или иной личной заинтересованности руководителя как обязательного признака состава преступления.

Кроме того, одной из проблем реализации уголовно-правового запрета, установленного ст. 1451 УК РФ, является невозможность привлечения

к ответственности фактических руководителей предприятий – должников и вменения невыплаты «серой» заработной платы. Встречающиеся в последние годы случаи подачи фиктивных заявлений о невыплате заработной платы в целях получения конкурентных преимуществ предприятием-контрагентом, предъявления на принудительное исполнение выданных комиссиями по трудовым спорам поддельных удостоверений о взыскании задолженности по заработной плате либо удостоверений, выданных в целях хищения или обналичивания средств через фирмы-однодневки, требуют помимо выработки единого подхода к толкованию нормы совершенствования механизма выявления и пресечения преступлений, связанных с невыплатой заработной платы [3, с. 67].

Литература

1. Осокин Р. Б., Ковригин В. С. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovershenstvovanii-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-prisvoenie-ili-rastratu.

2. Кондраткова Н. В. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, связанных с невыплатой заработной платы (часть 1) // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник статей всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. А. Поляков. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. С. 84–92.

3. Кондраткова Н. В. Расследование преступлений, связанных с невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат: учебное пособие / Н. В. Кондраткова; отв. ред. Н. А. Морозова. М.: Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2024.– 84 с.

4. Материалы к заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2025 год и задачах на 2026 год».

5. Приговор Магасского районного суда Республики Ингушетия от 05.03.2025 от 05.03.2025 по у/д № 1–48/2025.

6. Приговор мирового судьи судебного участка № 11 по Нижнекамскому судебному району Республики Татарстан от 23.12.2024 по у/д № 1–01/11/2024.

DOI 10.34660/INF.2026.71.89.054

ГРУППОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СОЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ И КОНФОРМНОСТЬ КАК ФАКТОРЫКОЛЛЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Абдуллаев Кудрат Мирзатуллаевич
доктор философии (PhD) по психологическим наукам
Ташкент, Узбекистан

Аннотация. *В статье рассматриваются групповая идентичность, социальное влияние и конформность как ключевые социально-психологические факторы коллективного поведения молодёжи в цифровой среде. Проанализированы особенности влияния социальных сетей и цифровых сообществ на процессы групповой идентификации, формирования социальных норм и поведенческих установок. Показано, что цифровые коммуникации усиливают воздействие группы на личность и способствуют развитию различных форм коллективного поведения молодёжи.*

Ключевые слова: *молодёжь, коллективное поведение, групповая идентичность, социальное влияние, конформность, цифровая среда, социальные сети, цифровые сообщества, социализация.*

Abstract. *The article examines group identity, social influence, and conformity as key socio-psychological factors of collective behavior among youth in the digital environment. The study analyzes the impact of social media and digital communities on the processes of group identification, the formation of social norms, and behavioral attitudes. It is shown that digital communication enhances the influence of the group on the individual and contributes to the development of various forms of collective behavior among young people.*

Keywords: *youth, collective behavior, group identity, social influence, conformity, digital environment, social media, digital communities, socialization.*

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий существенно меняются формы общения, социализации и коллективного взаимодействия молодёжи. Социальные сети, мессенджеры, интернет-форумы

и различные цифровые сообщества становятся важной частью повседневной жизни молодых людей, оказывая заметное влияние на их взгляды, ценности, поведение и способы взаимодействия с окружающим миром. В результате процессы формирования групповой идентичности, социального влияния и конформности всё чаще происходят не только в реальном, но и в виртуальном пространстве.

Актуальность изучения данной проблемы обусловлена тем, что цифровая среда создаёт принципиально новые условия для формирования коллективного поведения молодёжи. Благодаря высокой скорости распространения информации, постоянной коммуникации и возможности объединения вокруг общих интересов и идей молодые люди всё чаще включаются в различные сетевые сообщества, где формируются групповые нормы, ценности и модели поведения. В таких условиях возрастает роль психологических механизмов социальной идентификации, группового давления, подражания и конформности.

Современные исследования показывают, что принадлежность к определённой группе является одной из важнейших потребностей молодого возраста. В процессе поиска собственной идентичности молодые люди стремятся к признанию, поддержке и ощущению принадлежности к значимому сообществу. Именно поэтому влияние референтных групп, лидеров мнений и цифровых сообществ нередко становится определяющим фактором формирования социальных установок и поведенческих стратегий.

Особую значимость проблема приобретает в условиях цифровой коммуникации, когда механизмы социального влияния распространяются на многомиллионную аудиторию практически мгновенно. Виртуальные сообщества способны формировать чувство групповой солидарности, усиливать эмоциональные реакции, поддерживать определённые нормы поведения и мобилизовать участников на коллективные действия. При этом конформность и стремление соответствовать ожиданиям группы могут существенно усиливать влияние коллективного мнения на отдельных участников.

В связи с этим изучение групповой идентичности, социального влияния и конформности как факторов коллективного поведения молодёжи в цифровой среде приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Понимание данных механизмов позволяет глубже раскрыть особенности современного молодёжного поведения, а также определить направления профилактики деструктивных форм групповой активности в цифровом пространстве.

Целью настоящей статьи является социально-психологический анализ роли групповой идентичности, социального влияния и конформности в формировании коллективного поведения молодёжи в условиях цифровой среды.

Анализ научной литературы. Проведённый анализ научной литературы показывает, что групповая идентичность, социальное влияние и конформность являются одними из ключевых социально-психологических механизмов, определяющих коллективное поведение молодёжи в цифровой среде. Развитие социальных сетей, онлайн-сообществ и цифровых платформ существенно изменило традиционные формы группового взаимодействия, создав новые условия для формирования чувства принадлежности, распространения социальных норм и влияния группы на отдельную личность.

Согласно исследованиям Е. В. Бродовской и Т. Хуанг, современная молодёжь всё чаще включается в различные сетевые сообщества, которые становятся важным источником социальной идентичности. Авторы отмечают, что цифровая среда способствует возникновению устойчивых виртуальных групп, внутри которых формируются общие ценности, символы, нормы поведения и коллективные представления о социальной реальности[1]. В результате принадлежность к цифровому сообществу начинает играть значимую роль в самоопределении молодого человека и влияет на его поведение как в виртуальном, так и в реальном пространстве.

Особое внимание исследователи уделяют влиянию групповых процессов в интернет-пространстве. Так, С. С. Галахов и Е. О. Кубякин подчёркивают, что молодёжные сообщества обладают высокой степенью внутригрупповой сплочённости, а поиск социальной идентичности делает молодых людей особенно чувствительными к мнению группы. По мнению авторов, групповая принадлежность позволяет удовлетворять потребность в признании, социальной поддержке и безопасности, однако одновременно может усиливать давление группы и снижать уровень самостоятельности принимаемых решений[2].

Значительный вклад в понимание механизмов социального влияния в цифровой среде внесли Р. В. Леньков, О. А. Колосова и С. В. Ковалева. Авторы отмечают, что современные цифровые платформы создают благоприятные условия для быстрого распространения мнений, убеждений и моделей поведения. В виртуальных сообществах активно действуют механизмы социального заражения, подражания лидерам мнений и нормативного

[1] Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5 (153). – С. 3–18.

[2] Галахов С. С., Кубякин Е. О. Специфика молодежного сознания и социально-групповой самоорганизации в механизме формирования молодежного экстремизма // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 2 (16). – С. 49–56.

давления, вследствие чего индивидуальные взгляды постепенно начинают соответствовать доминирующей позиции группы[1].

Рассматривая проблему конформности, Б. Г. Бовин и И. Б. Бовина обращают внимание на то, что в условиях высокой внутригрупповой сплочённости молодые люди нередко начинают воспринимать групповые нормы как единственно правильные. Авторы показывают, что стремление сохранить принадлежность к значимой группе способствует изменению собственных взглядов и поведения в соответствии с коллективными ожиданиями. При этом влияние группы усиливается в условиях неопределённости, эмоциональной напряжённости и высокой значимости обсуждаемых вопросов[2].

В исследованиях В. А. Лукова и Н. А. Погорской особое внимание уделяется роли молодёжных субкультур и неформальных объединений. Авторы отмечают, что подобные группы выступают не только средством самовыражения, но и пространством формирования коллективной идентичности. Через систему символов, традиций и внутригрупповых норм участники усваивают определённые модели поведения и отношения к социальным событиям. В результате коллективное мнение группы может оказывать более сильное влияние на молодого человека, чем мнение семьи или официальных институтов[3].

Существенное значение для понимания коллективного поведения молодёжи имеют исследования Г. У. Солдатовой, С. В. Чигарьковой, А. А. Дренёвой и С. Н. Илюхиной. Учёные показывают, что цифровая среда усиливает процессы социальной идентификации и конформности благодаря постоянному взаимодействию пользователей, высокой скорости распространения информации и алгоритмическим механизмам отбора контента. В результате молодые люди оказываются включёнными в своеобразные информационные сообщества, где формируются общие взгляды, нормы и оценки происходящих событий[4].

Выводы. Таким образом, проведённый анализ научной литературы позволяет заключить, что групповая идентичность, социальное влияние

---

[1] Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4. – № 1. – С. 31–41.

[2] Бовин Б. Г., Бовина И. Б. Радикализация: социально-психологический взгляд // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 214–230.

[3] Луков В. А., Погорская Н. А. Молодежные субкультуры и протестная активность: социальныеикультурныериски//Социологическиеисследования.–2017.–№6.–С.78–87.

[4] Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Илюхина С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: профилактика деструктивного поведения подростков и молодёжи в Интернете. – М.: Когито-Центр, 2019. – С. 42–58.

и конформность выступают важнейшими социально-психологическими факторами коллективного поведения молодёжи в цифровой среде. В условиях активного развития социальных сетей и цифровых сообществ процессы формирования групповой принадлежности приобретают особое значение, поскольку именно виртуальные сообщества всё чаще становятся источником норм, ценностей и моделей поведения для молодых людей.

Установлено, что групповая идентичность способствует формированию чувства принадлежности, социальной поддержки и общности интересов. Вместе с тем высокая значимость группы для личности повышает восприимчивость молодёжи к её нормам и ожиданиям. В результате индивидуальные взгляды и оценки нередко трансформируются под воздействием коллективного мнения, а поведение всё в большей степени определяется внутригрупповыми процессами.

Существенную роль в данных процессах играет социальное влияние, реализуемое через механизмы подражания, социального заражения, влияние лидеров мнений и референтных групп. Цифровая среда значительно расширяет возможности такого влияния благодаря высокой скорости распространения информации, постоянной коммуникации и возможности объединения больших групп пользователей вокруг общих идей и интересов.

Особое значение для коллективного поведения молодёжи имеет конформность как стремление согласовывать собственные взгляды и действия с позицией значимой группы. В условиях цифровых сообществ конформность усиливается за счёт потребности в одобрении, сохранении групповой принадлежности и поддержании положительного социального статуса внутри сообщества. Это способствует формированию единых моделей поведения и коллективных форм реагирования на различные социальные события.

В целом результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что коллективное поведение молодёжи в цифровой среде формируется под воздействием сложного взаимодействия процессов групповой идентификации, социального влияния и конформности. В современных условиях цифровые сообщества становятся важнейшим пространством социализации молодого поколения, оказывая существенное влияние на его ценности, установки и поведенческие стратегии, что определяет необходимость дальнейшего изучения данных социально-психологических механизмов.

Список использованной литературы

1. Бовин Б. Г., Бовина И. Б. Радикализация: социально-психологический взгляд // Психология и право.– 2020.– Т. 10.– № 4.– С. 214–230.

2. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.– 2019.– № 5 (153).– С. 3–18.

3. Галахов С. С., Кубякин Е. О. Специфика молодежного сознания и социально-групповой самоорганизации в механизме формирования молодежного экстремизма // Вестник Казанского юридического института МВД России.– 2014.– № 2 (16).– С. 49–56.

4. Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология.– 2021.– Т. 4.– № 1.– С. 31–41.

5. Луков В. А., Погорская Н. А. Молодежные субкультуры и протестная активность: социальные и культурные риски // Социологические исследования.– 2017.– № 6.– С. 78–87.

6. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Дренёва А. А., Илюхина С. Н. Мы в ответе за цифровой мир: профилактика деструктивного поведения подростков и молодёжи в Интернете.– М.: Когито-Центр, 2019.– С. 42–58.

DOI 10.34660/INF.2026.72.16.249

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ И ГОТОВНОСТЬЮ УЧИТЕЛЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ В СЛОЖНЫХ СИТУАЦИЯХ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тюнников Юрий Станиславович
доктор педагогических наук, профессор
Государственный университет просвещения

Аннотация. *В тезисах рассматривается актуальная проблема взаимосвязи профессионального благополучия педагога и его готовности к профессиональному самоопределению – в фокусе анализа находятся сложные, нестандартные педагогические ситуации, не имеющие однозначного решения и требующие от учителя мобилизации когнитивных, эмоциональных и мотивационных ресурсов. Результаты работы призваны расширить понимание условий устойчивости и продуктивного развития учителя в современной образовательной среде и могут быть использованы при проектировании программ психолого педагогической поддержки педагогов.*

Ключевые слова: *профессиональное благополучие педагога; готовность к профессиональному самоопределению; сложные педагогические ситуации; профессиональная идентичность; субъектность педагога.*

Abstract. *This paper examines the pressing issue of the relationship between teachers' professional well-being and their readiness for professional self-determination. The analysis focuses on complex, non-standard teaching situations that lack a clear solution and require teachers to mobilize their cognitive, emotional, and motivational resources. The results of this study are intended to broaden our understanding of the conditions for teacher sustainability and productive development in the modern educational environment and can be used in designing psychological and pedagogical support programs for teachers.*

Keywords: *teacher professional well-being; readiness for professional self-determination; complex teaching situations; professional identity; teacher agency.*

Современная система образования находится в состоянии постоянной трансформации: меняются образовательные стандарты, обновляются технологические средства обучения, растут требования к качеству педагогического труда. В этих условиях учитель оказывается в эпицентре множественных вызовов, которые часто принимают форму сложных, нестандартных педагогических ситуаций – ситуаций, не имеющих однозначного решения, требующих быстрого реагирования и затрагивающих одновременно учебные, воспитательные, коммуникативные и эмоциональные аспекты взаимодействия с обучающимися, их родителями и коллегами. Способность учителя конструктивно действовать в таких условиях, сохраняя профессиональную устойчивость и развиваясь как специалист, напрямую связана с двумя ключевыми конструктами: его профессиональным благополучием и готовностью к профессиональному самоопределению.

Профессиональное благополучие педагога – понятие многомерное, охватывающее удовлетворённость процессом и результатами труда, качество профессионального взаимодействия, эмоциональное состояние в профессии, возможности профессионального развития и самореализации. Готовность к профессиональному самоопределению, в свою очередь, представляет собой интегральное личностное образование, включающее мотивационный, когнитивный, эмоциональный и практический компоненты, обеспечивающие способность учителя осознанно выстраивать траекторию своего профессионального развития, особенно в условиях неопределённости и сложности [3; 8].

Несмотря на то, что оба эти конструкта достаточно хорошо изучены в отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе, их взаимосвязь применительно именно к сложным ситуациям педагогической деятельности остаётся малоисследованной. Существующие работы рассматривают либо благополучие учителя в контексте профилактики выгорания, либо готовность к самоопределению в процессе профессиональной подготовки и повышения квалификации, но не объединяют эти аспекты в единую методологическую модель, объясняющую, как взаимосвязаны профессиональное благополучие и способность учителя к профессиональному самоопределению при столкновении со сложными ситуациями.

В современной психолого-педагогической науке сложилось несколько подходов к пониманию профессионального благополучия педагога. Один из наиболее разработанных базируется на многомерной модели психологического благополучия К.Рифф, адаптированной для профессионального контекста [10]. В рамках этого подхода структура профессионального благополучия включает шесть взаимосвязанных компонентов: автономность в профессиональной деятельности, профессиональное самопринятие (удовлетворённость уровнем компетентности и достижений), позитивные профессиональные отношения,

профессиональное развитие (рост и цели), а также общий показатель профессионального благополучия.

Другое направление опирается на модель PERMA М. Селигмана, включающую пять компонентов: позитивные эмоции, вовлечённость, взаимоотношения, смысл и достижения. В рамках этого подхода профессиональное благополучие рассматривается как позитивное функционирование специалиста в образовательной среде [11].

Отечественные исследователи предлагают комплексные модели профессионального благополучия педагога. Так, двухфакторная модель, разработанная на основе анализа представлений педагогов о психологической безопасности профессионального взаимодействия, выделяет два блока: качество профессиональной деятельности (самореализация) и качество взаимодействия в профессиональной среде (безопасность и удовлетворённость профессиональными отношениями). В ядро структуры профессионального благополучия вошли: профессиональная эффективность, удовлетворённость местом работы, достигнутый уровень профессионального роста, эмоциональное состояние в профессии.

Третья модель – PDS-модель, группирующая показатели благополучия в три дивизиона: «progressus» (профессиональное развитие и самореализация), «defensio» (защищённость – от бюрократической нагрузки, от вмешательства в педагогическую деятельность, социальные гарантии, академические свободы) и «subsidium» (инфраструктурно-материальная поддержка). Эта модель учитывает как внутренние, субъективные аспекты благополучия (педагогическое призвание), так и внешние условия, формируемые образовательной организацией [9].

Эмпирические исследования подтверждают связь профессионального благополучия с рядом профессионально-личностных характеристик педагогов. Так, регрессионный анализ показал, что значимыми предикторами психологического благополучия педагогов выступают мотив активности, направленность на задачу, мотив взаимодействия, предметно-познавательный компонент терминологической компетентности, мотив признания, мотив самореализации и перспективная рефлексия. В другом исследовании было установлено, что способность к выбору и ответственность за него, способность к рефлексии и высокий уровень активности являются значимыми предикторами общего благополучия учителя, объясняя около 24,5 % дисперсии [1].

Важно отметить, что профессиональное благополучие педагога не является статичным конструктом. Исследования показывают, что только около 35 % педагогов могут быть отнесены к категории благополучных, в то время как 65 % требуют различного уровня психолого-педагогической поддержки. При этом педагоги с высокими показателями психологического благополучия демонстрируют сбалансированную структуру субъектности, более высокую

способность понимать и принимать другого человека, а также более выраженную профессиональную идентичность [2].

Профессиональное самоопределение учителя – процесс, не ограниченный этапом профессионального обучения, а продолжающийся на протяжении всей профессиональной жизни. Как отмечает Н. С. Пряжников, формирование профессиональной идентичности является завершающим этапом процесса профессионального самоопределения и связано с осознанием смысла труда и своего профессионального пути [6]. Л. М. Митина описывает формирование профессиональной идентичности педагога как длительный процесс, связанный с развитием профессионального самосознания, освоением профессиональных ролей и осмыслением личностного смысла педагогического труда [5].

Готовность к профессиональному самоопределению трактуется в исследовательской литературе как интегральное личностное образование, включающее взаимосвязанные компоненты. В работах, посвящённых готовности учителя к содействию профессиональному самоопределению обучающихся, выделяются мотивационный, когнитивный, эмоциональный и практический компоненты [3]. Мотивационный компонент включает осознание значимости проблемы, отношение к ней как к научно-практической задаче, степень удовлетворённости собственной готовностью. Когнитивный – наличие психолого-педагогических знаний, знание особенностей обучающихся, постоянное совершенствование мастерства. Эмоциональный – эмоциональную устойчивость, уверенность в себе, стрессоустойчивость, эмпатию, толерантность. Практический – мобилизационные, организаторские, коммуникативные, рефлексивные умения, способность к самостоятельной творческой деятельности.

В исследовательской литературе представлен ряд классификаций ситуаций педагогической деятельности. М. М. Рыбакова классифицирует педагогические ситуации на простые и сложные. Сложные включают: ситуации деятельности (возникающие из выполнения учебных заданий, успеваемости, внеучебной работы), ситуации поведения (возникающие из нарушения правил поведения) и ситуации отношений (возникающие в сфере эмоционально-личностных отношений) [7].

Общая классификация сложных ситуаций в образовательной среде выделяет: ситуации, связанные с трудностями организации совместной деятельности; ситуации, связанные с субъективными переживаниями социальных рисков; ситуации, связанные с необходимостью разрешения конфликтов. К первым относятся отчуждение педагога от необходимости «погружаться» в мир ребёнка, отчуждение учащихся от деятельности группы, нежелание взаимодействовать с педагогом, отчуждение родителей от проблем школы, отсутствие признания важности деятельности педагога. Ко вторым – риск переживания психотравматических расстройств, риск перехода границ нравственности,

риск дегуманизации и деперсонализации. К третьим – конфликтные ситуации между участниками образовательного процесса.

Необходимо различать несколько механизмов взаимосвязи между рассматриваемыми конструктами.

Во-первых, профессиональное благополучие обеспечивает учителя ресурсами – эмоциональными, когнитивными, мотивационными,– необходимыми для эффективного действия в сложных ситуациях. Педагоги с высоким уровнем благополучия демонстрируют сбалансированную структуру субъектности, включающую активность, способность к рефлексии, ответственность за выбор, понимание и принятие другого человека. Эти характеристики являются одновременно и компонентами готовности к профессиональному самоопределению.

Во-вторых, способность к профессиональному самоопределению, в свою очередь, способствует поддержанию и усилению профессионального благополучия. Учитель, осознанно выстраивающий профессиональную траекторию, приобретающий новый опыт, рефлексирующий собственную деятельность, достигает более высоких показателей удовлетворённости трудом и профессиональной идентичности. Эмпирические данные подтверждают: профессиональная идентичность, осмысленность жизни, вовлечённость, внутренний локус контроля и жизнестойкость выступают предикторами успешной самореализации педагога, которая, в свою очередь, положительно связана с субъективным благополучием [4].

В-третьих, сложные ситуации педагогической деятельности выступают своеобразной «точкой бифуркации», в которой взаимосвязь между благополучием и готовностью к самоопределению становится особенно значимой. С одной стороны, именно в сложных ситуациях ресурс благополучия наиболее востребован – от него зависит, сможет ли учитель сохранить эмоциональную устойчивость, способность к рефлексии и принятию конструктивного решения. С другой стороны, успешное разрешение сложной ситуации становится фактором профессионального роста и, следовательно, усиления благополучия. Напротив, деструктивный путь преодоления трудностей, основанный на неадекватных средствах деятельности, дефиците мотивационной и смысловой составляющих профессионализма и нарушении механизмов саморегуляции, ведёт к снижению благополучия и блокировке самоопределения.

Исследование взаимосвязи между профессиональным благополучием и готовностью учителя к профессиональному самоопределению в сложных ситуациях педагогической деятельности требует комплексного методологического подхода, объединяющего несколько уровней методологии: философский, общенаучный и конкретно-научный.

На философском уровне исследование опирается на экзистенциально-феноменологический подход, рассматривающий учителя как субъекта,

осмысляющего собственное бытие в профессии. Профессиональное самоопределение в этом контексте понимается как поиск и обретение личностного смысла профессиональной деятельности, а сложные ситуации – как моменты экзистенциального выбора, в которых проявляется сущность профессионала.

На общенаучном уровне исследование базируется на системном подходе, обеспечивающем целостное видение взаимосвязи благополучия и самоопределения в единстве их компонентов, функций и механизмов. Системный подход предполагает рассмотрение профессионального благополучия и готовности к самоопределению не как изолированных конструктов, а как элементов единой системы, взаимодействующих через сложные ситуации педагогической деятельности.

Деятельностный подход обеспечивает понимание того, что самоопределение имеет деятельностный характер – оно запускается включённостью личности в деятельность и реализуется через активные действия субъекта. Сложные ситуации рассматриваются как особая форма деятельности, требующая мобилизации всех ресурсов учителя.

Субъектно-деятельностный подход дополняет деятельностный, акцентируя внимание на внутреннем плане деятельности, на учителе как активном субъекте, конструирующем своё профессиональное бытие.

Аксиологический подход обеспечивает ценностное измерение исследования: профессиональное самоопределение рассматривается как процесс ценностно-смыслового выбора, а благополучие – как показатель гармонии между ценностями педагога и условиями его профессиональной деятельности.

На конкретно-научном уровне исследование опирается на концепцию профессионального развития Л. М. Митиной, рассматривающую развитие педагога как процесс преодоления противоречий между возрастающими требованиями профессии и сложившимися формами деятельности, а также на теорию профессионального самоопределения Н. С. Пряжникова, понимающую самоопределение как поиск и обретение личностного смысла в профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Е. Н. Психологическое благополучие и структура субъектности учителя // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 2. С. 9. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-2-9.

2. Гущина И. А. Профессиональное благополучие педагога и его роль в формировании траекторий социализации молодежи // ЦИТИСЭ. 2025. № 4. С. 208–220.

3. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск, 1976.

4. Катькало К. Д. Особенности личностно-профессиональной самореализации педагогов-психологов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 4 (48). С. 357–372. https://doi.org/10.18500/2304–9790–2023–12–4–357–372, EDN: HBFGAQ.

5. Митина Л. М. Личностно-профессиональное развитие педагога как стратегическая задача системы непрерывного образования // Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы \ под ред. Л. М. Митиной. М.; Самара: Бахрах-М, 2022. С. 10–25. EDN: TWEMQG.

6. Пряжников Н. С. Психологический смысл труда. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 287 с.

7. Рыбакова М. М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе / М. М. Рыбакова. М.: Просвещение, 1991. С. 43–44, 101–125.

8. Филатова Л. Э. Особенности психологической готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению // Педагогика и психология образования. 2025. № 2. С. 254–277. DOI: 10.31862/2500-297X-2025-2-254-277.

9. Disabato DJ, Goodman FR and Kashdan TB (2025) The hierarchical framework of wellbeing (HiFWB). Front. Psychol. 16:1515423. doi: 10.3389/fpsyg.2025.1515423

10. Ryff C. Happiness is Everything, or is it? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being. Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. № 6. Pp. 1069–1081.

11. Seligman M. E.P. Flourishing. A new understanding of happiness and well-being and how to achieve them. Boston: Nicholas Brealey, 2011.

DOI 10.34660/INF.2026.72.46.001

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ РОСТ УЧИТЕЛЕЙ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО, ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННО-РЕФЛЕКСИВНОГО ПОДХОДОВ

Кодиров Бахтиёр Розикович
доктор педагогических наук, профессор
Мухиддинзода Кутбиддин Фозилдин
кандидат педагогических наук, доцент
Таджикский государственный медицинский университет имени Абуали ибн Сино,
г. Душанбе, Таджикистан;
Министерства образования и науки Республики Таджикистан,
г. Душанбе, Таджикистан

Аннотация: *статья посвящена анализу компетентностного роста учителей гуманитарных дисциплин в контексте комплексного применения личностно-ориентированного, технологического, культурологического и инновационно-рефлексивного подходов. Рассматривается роль каждого из подходов в формировании профессиональной компетентности педагогов: личностно-ориентированный подход стимулирует самореализацию, творческую активность и индивидуальное профессиональное развитие; технологический подход обеспечивает структурированность и эффективность образовательного процесса через внедрение современных педагогических технологий; культурологический подход способствует формированию у учителей культурной компетентности, уважения к национальным традициям и межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова: *профессиональная компетентность, учитель гуманитарных дисциплин, личностно-ориентированный подход, технологический подход, культурологический подход, инновационно-рефлексивный подход, педагогическая рефлексия, инновационные образовательные технологии, профессиональный рост, индивидуализация обучения.*

Современное образование в Республике Таджикистан переживает период активных преобразований, обусловленных как глобальными социально-культурными изменениями, так и внутренними реформами образовательной системы. В этих условиях особое значение приобретает формирование высокой профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин, способных эффективно реализовывать образовательные цели, соответствовать требованиям современного школьного образования и учитывать культурные и социальные особенности страны.

Профессиональная компетентность педагогов гуманитарной сферы включает не только владение предметными знаниями и методикой преподавания, но и способность создавать образовательную среду, учитывающую индивидуальные особенности учащихся, интегрировать современные технологические средства, развивать культурное и ценностное сознание школьников, а также рефлексивно оценивать и совершенствовать собственную педагогическую практику [6, с. 24].

Эффективное решение данной задачи требует комплексного подхода, объединяющего несколько взаимодополняющих стратегий: личностно-ориентированный, технологический, культурологический и инновационно-рефлексивный. Личностно-ориентированный подход ориентирован на развитие индивидуальных способностей учеников и формирование личной ответственности учителя за образовательный процесс. Технологический подход позволяет интегрировать современные образовательные технологии, повышая качество усвоения знаний и формирование ключевых компетенций учащихся.

Культурологический подход учитывает национально-культурные особенности Республики Таджикистан, способствует воспитанию ценностного и духовного уровня личности, формированию уважения к культурному наследию страны и развитию межкультурной компетенции.

Инновационно-рефлексивный подход направлен на постоянное профессиональное самосовершенствование педагога, критический анализ своей деятельности и внедрение новых методических решений с учетом национальных и международных стандартов образования.

В условиях Республики Таджикистан формирование профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин рассматривается как динамический процесс, включающий освоение теоретических знаний и методических навыков, развитие способности к творческому решению педагогических задач, адаптацию к новым образовательным условиям и профессиональное саморазвитие. Изучение и внедрение указанных подходов в подготовку и повышение квалификации педагогов становится ключевым условием повышения качества образовательного процесса, формирования социально и культурно компетентной личности учащихся и реализации национальной образовательной политики.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе компетентностного роста учителей гуманитарных дисциплин в условиях Республики Таджикистан через призму личностно-ориентированного, технологического, культурологического и инновационно-рефлексивного подходов, выявлении возможностей их интеграции в образовательную практику и определении эффективных стратегий профессионального развития педагогов.

Профессиональная компетентность педагогов включает владение предметными знаниями и методикой преподавания, умение создавать образовательную среду, учитывать индивидуальные особенности учеников, использовать современные технологии, развивать культурное и ценностное сознание школьников, а также рефлексивно оценивать и совершенствовать собственную педагогическую деятельность [14, с. 156].

Эффективное развитие профессиональной компетентности требует комплексного применения различных подходов, среди которых особое значение имеют личностно-ориентированный, технологический, культурологический и инновационно-рефлексивный. Каждый из этих подходов вносит уникальный вклад в профессиональный рост педагогов, сочетая педагогическую теорию, практику и современные образовательные технологии.

1. Личностно-ориентированный подход. Личностно-ориентированный подход является ключевым методологическим направлением современного образования, особенно актуальным для подготовки учителей гуманитарных дисциплин [13, с. 41]. Его центральная идея заключается в том, что учитель рассматривается не только как носитель знаний, но и как субъект личностного и профессионального развития.

В современных условиях педагогическая деятельность требует от учителя не только глубоких предметных знаний, но и развитого творческого потенциала, мотивации к профессиональному росту, способности к самоанализу и рефлексии. Личностно-ориентированный подход позволяет учитывать индивидуальные особенности педагога, формировать его профессиональные интересы и поддерживать внутреннюю мотивацию к обучению и совершенствованию [8, с. 78].

Сущность личностно-ориентированного подхода заключается в создании условий для самореализации педагога и развития его профессиональной компетентности через индивидуализированные формы работы. Основные направления включают:

– педагог получает возможность самостоятельно определять цели своего профессионального развития, выбирать методы и технологии, соответствующие его компетенциям;

- педагог участвует в разработке авторских программ, методических материалов и образовательных проектов, проявляя индивидуальные педагогические способности;

- педагог осмысливает результаты своей деятельности, выявляет зоны для развития, строит план дальнейшего профессионального роста.

Реализация личностно-ориентированного подхода в процессе формирования профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин:

1) Индивидуальные образовательные маршруты: учитель самостоятельно планирует профессиональное развитие, выбирает курсы и направления повышения квалификации.

2) Рефлексивные задания: анализ собственной педагогической практики, ведение дневника учителя, оценка методов работы и их эффективности.

3) Портфолио профессиональных достижений: сбор результатов работы, методических разработок и профессиональных успехов, что способствует осознанию своих возможностей и достижений.

4) Творческие мастерские и педагогические лаборатории: создание условий для экспериментов с инновационными методиками и разработкой авторских проектов по гуманитарным дисциплинам.

В условиях нашей республике личностно-ориентированный подход особенно важен, так как он позволяет учитывать индивидуальные особенности педагогов, их профессиональные цели и культурный контекст, создавая основу для формирования компетентных, творчески активных и мотивированных учителей.

1. Личностно-ориентированный подход обеспечивает целостное развитие личности учителя, стимулирует его профессиональную мотивацию и творческую активность [4, с. 54]. Использование индивидуальных образовательных маршрутов, рефлексивных заданий и портфолио позволяет педагогу осознанно управлять своим профессиональным ростом, адаптироваться к изменениям образовательной среды и внедрять инновационные педагогические практики.

Таким образом, личностно-ориентированный подход является эффективным инструментом формирования профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин и повышает качество образовательного процесса в условиях совершенствовании системы образования.

2. Технологический подход. Технологический подход является одним из современных методологических ориентиров в профессиональной подготовке учителей гуманитарных дисциплин. Его ключевая идея заключается в целостной, системной и целенаправленной организации образовательного процесса с использованием современных педагогических технологий, обеспечивающих прогнозируемый и воспроизводимый результат обучения.

В условиях совершенствовании образования технологический подход способствует повышению качества преподавания, оптимизации учебной деятельности и формированию у педагогов навыков эффективного применения современных образовательных инструментов [3, с. 12]. Такой подход делает

образовательный процесс более структурированным, интерактивным и ориентированным на достижение конкретных компетентностей учащихся.

Сущность технологического подхода заключается в интеграции современных педагогических технологий в процесс подготовки и профессиональной деятельности учителя. Основные направления включают: четкая структура занятий, планирование этапов работы, последовательное формирование знаний, умений и навыков; вовлечение учащихся и педагогов в активную совместную деятельность, стимулирование критического мышления и творческого подхода; внедрение образовательных платформ, мультимедийных средств, дистанционного и смешанного обучения для повышения доступности и качества образования; постановка учебных задач, требующих самостоятельного поиска решений, что развивает аналитические и исследовательские способности педагога [10, с. 33].

Практические примеры применения технологического подхода при формировании профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин:

1) Интерактивные методы обучения: дискуссии, мозговые штурмы, ролевые игры, кейс-методы.

2) Цифровые образовательные ресурсы: электронные учебники, онлайн-платформы, мультимедийные презентации и интерактивные задания.

3) Смешанное обучение: комбинирование традиционных и цифровых форм занятий для повышения мотивации и эффективности усвоения материала.

4) Технологии критического мышления: разработка учебных ситуаций и проектов, направленных на формирование аналитических и аргументированных суждений.

В контексте формирования профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин технологический подход особенно важен для внедрения инновационных методов преподавания, создания условий для профессионального роста педагогов и повышения качества образовательного процесса в соответствии с современными международными стандартами [15, с. 111]. Технологический подход обеспечивает структурированность, эффективность и инновационность образовательного процесса, способствуя формированию профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин. Применение интерактивных, цифровых и проблемно-ориентированных технологий позволяет педагогам адаптироваться к современным требованиям образования, повышать качество преподавания и развивать у себя и учащихся ключевые компетенции XXI века.

Таким образом, технологический подход является важным инструментом совершенствовании образовательного процесса и повышения профессионального уровня учителей гуманитарных дисциплин.

3. Культурологический подход. Культурологический подход является важным современным методологическим направлением подготовки учителей гуманитарных дисциплин. Его ключевая идея заключается в том, что учитель рассматривается как носитель культуры, языка и духовных ценностей общества, а образовательный процесс – как средство формирования культурной и духовной идентичности учащихся [9, с. 65].

Особая актуальность культурологического подхода проявляется в условиях поликультурного и многоязычного образовательного пространства, характерного для нашей республики. Он обеспечивает не только профессиональную подготовку педагогов, но и воспитание у них уважения к национальной культуре, традициям и духовным ценностям, что особенно важно при преподавании гуманитарных дисциплин.

Сущность культурологического подхода заключается в интеграции культурного и образовательного содержания в процесс профессиональной подготовки учителя. Основные направления включают: развитие у педагога способности понимать, анализировать и передавать культурные и духовные ценности общества; включение в образовательные программы материалов о традициях, истории, языке и духовных ценностях страны; развитие у педагога навыков взаимодействия в поликультурной образовательной среде, умения учитывать культурные различия и формировать уважение к разнообразию; интеграция культурологических элементов в методику преподавания гуманитарных дисциплин для формирования гармонично развитой личности учащихся [7, с. 16].

Примеры реализации культурологического подхода в формировании профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин:

1) изучение истории, литературы, искусства и традиций народов нашей республики в рамках подготовки учителей гуманитарных дисциплин;

2) организация дискуссий, проектов и мастер-классов, где педагоги и ученики обсуждают культурные особенности разных народов и формируют уважительное отношение к разнообразию;

3) разработка учебных проектов и методических материалов, учитывающих культурные и духовные ценности общества;

4) посещение музеев, исторических памятников и культурных центров с целью формирования культурной компетентности педагогов.

В условиях формировании профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин культурологический подход позволяет готовить педагогов, способных сохранять и передавать национальные ценности, эффективно преподавать гуманитарные дисциплины и способствовать формированию культурно развитой личности учащихся.

Культурологический подход способствует формированию у учителя гуманитарных дисциплин культурной компетентности, духовных ценностей

и навыков межкультурного взаимодействия. Включение национально-культурного содержания, межкультурного диалога и воспитательных мероприятий в процесс профессиональной подготовки позволяет педагогам эффективно передавать культурное наследие, формировать у учащихся уважение к традициям и ценностям общества, а также адаптироваться к поликультурной образовательной среде [5, с. 45].

Таким образом, культурологический подход является важным инструментом совершенствовании гуманитарного образования и формирования профессиональной компетентности учителей, обеспечивая гармоничное сочетание профессиональных знаний, культурных ценностей и личностного развития педагогов.

4.Инновационно-рефлексивный подход. Инновационно-рефлексивный подход является одним из наиболее современных методологических направлений в профессиональной подготовке учителей гуманитарных дисциплин. Его ключевая идея заключается в том, что педагог не только применяет инновационные образовательные технологии, но и осмысленно анализирует свою деятельность, оценивает эффективность применяемых методик и совершенствует собственные профессиональные компетенции [1, с. 8].

В условиях совершенствовании системы образования этот подход позволяет формировать педагогов, готовых к внедрению инноваций, адаптации к новым образовательным стандартам и критическому переосмыслению собственного опыта для постоянного профессионального роста.

Сущность инновационно-рефлексивного подхода заключается в сочетании инновационной деятельности и рефлексии педагогической практики. Основные направления включают: активное применение современных методов обучения, цифровых инструментов, интерактивных и исследовательских методов; анализ и оценка собственных действий, методов и результатов работы для выявления сильных и слабых сторон; способность предлагать и реализовывать новые идеи, адаптироваться к изменениям образовательной среды; систематическое осмысление опыта, корректировка образовательной практики и постоянное совершенствование компетенций [2, с. 75].

Примеры реализации инновационно-рефлексивного подхода:

1) обсуждение педагогических ситуаций, анализ успешных и проблемных случаев преподавания, выработка рекомендаций для дальнейшей работы;

2) внедрение инновационных технологий и оценка их эффективности в реальном образовательном процессе;

3) систематическое фиксирование результатов своей деятельности, самооценка и планирование профессионального роста;

4) разработка авторских методик, новых форм и технологий обучения, тестирование их эффективности в учебной практике.

В процессе формировании профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин инновационно-рефлексивный подход позволяет педагогам гуманитарных дисциплин адаптироваться к современным требованиям образования, внедрять передовые методы преподавания и активно участвовать в совершенствовании образовательного процесса [11, с. 44].

Инновационно-рефлексивный подход обеспечивает гармоничное сочетание профессионального опыта, инновационной деятельности и критического осмысления собственной практики, что способствует постоянному росту компетентности педагога. Применение рефлексивных методов, инновационных технологий и проектной деятельности позволяет учителям гуманитарных дисциплин адаптироваться к изменениям образовательной среды, внедрять современные методики и повышать качество обучения [12, с. 11].

Таким образом, формирование профессиональной компетентности учителей гуманитарных дисциплин в условиях совершенствовании современного образования требует комплексного применения современных методологических подходов. Компетентностный, системно-деятельностный, личностно-ориентированный, технологический, культурологический и инновационно-рефлексивный подходы в совокупности обеспечивают целостное развитие профессиональных, личностных и ценностных качеств педагога.

Интеграция данных подходов в систему профессиональной подготовки и повышения квалификации учителей гуманитарных дисциплин способствует повышению качества гуманитарного образования, развитию педагогического мышления и готовности учителя к эффективной деятельности в условиях современного образовательного пространства.

Литература

1. Алексеева А. И. Методика организации рефлексивного этапа на учебных занятиях в вузе // Научный диалог. 2014. No11 (35): Психология. Педагогика. С. 6–15.

2. Гребенникова Н. Б., Ланкина М. П. Опыт применения рефлексивных технологий при реализации программ повышения квалификации преподавателей высшей школы // Образовательные технологии. № 1. 2016. С. 70–79.

3. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя высшей школы: воспитательный аспект: учеб. пособие / И. Ф. Исаев. -М.; Белгород: Везелица, 1992. 102 с.

4. Исаев И. Ф. Творческая самореализация учителя: культурологический подход: учебное пособие / И. Ф. Исаев, М. И. Ситникова. М.; Белгород: Изд-во БГУ, 1999.– 244 с.

5. Исаев И. Ф. Теория и практика формирования профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы. М.; Белгород, 1993.-219 с.

6. Испулова С. Н. Профессиональная подготовка студентов университета к индивидуальной социальной работе: дис. . канд. пед. наук / С. Н. Испулова. Магнитогорск, 2003.– 168 с.

7. Клемантович И. Культура профессионального мышления социального педагога / И. Клемантович // Воспитание школьников.– 2000. № 9.– С. 16–17.

8. Котлярова И. О. Теоретические основы личностно ориентированного повышения профессионально-педагогической квалификации работников образования: дис. . д-ра пед. наук / И. О. Котлярова.– Челябинск, 1999.–340 с.

9. Культура, культурология, образование: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1997.– № 2.– С. 64–78.

10. Манько Н. Технологическая компетентность педагога. //Школьные технологии 2002 № 5 -С. 33

11. Матухно Е. В. Гуманистически ориентированное взаимодействие между преподавателями и студентами как условие становления личности // Высшее образование сегодня.– 2007.– № 12.– С. 44–45.

12. Метаева В. А. Профессиональная рефлексия в последипломном образовании: учеб. пособие / Рос. гос. проф-пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. 85 с.

13. Подмазин С. И. Личностно-ориентированное образование. Социально-философское исследование.– Запорожье: Просвита, 2000.– 250 с.

14. Попова В. Р. Развитие профессиональной компетентности студентов педагогического колледжа/ В. Р. Попова, С. В. Конкевич //Теория и практика развивающего обучения. Челябинск,2001.- Вып. 11.-С. 155–158.

15. Смирнов С. А. Технологии в образовании // Высш. образование в России. 1999. -№ 1.-е. 109–112.

DOI 10.34660/INF.2026.72.58.077

СОПРЯЖЕННОЕ РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО И РОДИТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛОВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ

Перепелкина Валентина Александровна
кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы
Семенова Светлана Михайловна
магистрант
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Аннотация. *В статье рассматривается актуальная проблема формирования кадрового и личностного потенциала специалистов социальной сферы для работы с семьями, воспитывающими детей-подростков с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Анализируются современные технологии подбора персонала, их адаптивность в условиях инклюзивного образования, а также специфика профессиональной деятельности, требующая синтеза юридических, психологических и педагогических знаний. Особое внимание уделяется результатам эмпирического исследования запросов родителей (n=50), демонстрирующим высокий уровень эмоционального выгорания и потребность в психологической и коммуникативной поддержке. Обосновывается необходимость перехода от традиционной модели «коррекции дефицитов» к комплексной поддерживающей модели, где благополучие специалиста и родителя рассматриваются как ключевые факторы успешной социализации ребенка с ОВЗ. Предложена структурная модель компетенций специалиста, включающая стрессоустойчивость, медиативные навыки и межведомственную осведомленность.*

Ключевые слова: *инклюзивное образование, специалист социальной сферы, кадровый потенциал, родители детей с ОВЗ, эмоциональное выгорание, родительский клуб, аутсорсинг персонала, межпоколенные отношения, профессиональная компетентность.*

Ключевой задачей современной социальной практики является подготовка специалистов, способных эффективно сопровождать семьи, воспитывающие детей-подростков с ограниченными возможностями здоровья, что требует одновременного развития как их профессиональных, так и личностных ресурсов.

Особую значимость это приобретает в сфере инклюзивного образования и социальной реабилитации, где ключевой фигурой реабилитационного процесса остается специалист социальной сферы. Однако, как показывает практика, учреждения социальной направленности зачастую сталкиваются с кадровым дефицитом, действуя в режиме «критической потребности», что существенно снижает качество отбора и, как следствие, эффективность всей системы помощи.

Начальным этапом формирования профессионального потенциала является подбор актуальных кадров [3, 139–140]. В то время как крупные корпорации внедряют многоступенчатые процедуры оценки (ассессмент-центры, кейс-интервью), социальные учреждения вынуждены довольствоваться поверхностными методами массового рекрутинга. Особую сложность представляет работа с семьей, воспитывающей ребенка-подростка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Данная категория семей находится в зоне «двойного кризиса»: возрастные изменения ребенка накладываются на хроническую психотравмирующую ситуацию, связанную с его заболеванием. Традиционные подходы, ориентированные исключительно на коррекцию дефицитов ребенка, сегодня уступают место комплексной модели, где благополучие родителя рассматривается как необходимое условие успешной социализации самого ребенка.

Таким образом, целью данной статьи является определение путей формирования потенциала специалиста социальной сферы для эффективной работы с родителями детей-подростков с ОВЗ на основе анализа современных технологий подбора кадров и эмпирических данных о запросах целевой группы.

Анализ применяемых в отечественной практике технологий подбора – массовый рекрутинг, прямой поиск (хедхантинг), поиск в социальных сетях – показывает их слабую адаптированность к специфике инклюзивной среды. Зачастую доминирует не прогнозное планирование, а сиюминутная потребность закрыть вакансию, что приводит к отбору не самого подходящего кандидата, а «более-менее соответствующего» формальным критериям.

Особый интерес представляет механизм рекомендаций с прошлого места работы. Зарубежная практика показывает, что рекомендации содержат ценную информацию о психоэмоциональных, моральных и физических особенностях кандидата, которые невозможно выявить стандартным собеседованием. В отечественных организациях, особенно в бюджетной сфере, этот инструмент широкого распространения не получил. Однако именно в сегменте инклюзивного образования, где важнейшими качествами являются эмпатия, терпимость и устойчивость к стрессу, рекомендательный метод был бы наиболее результативен [4, 5–13].

Одним из перспективных решений видится применение аутсорсинга как технологии подбора. Кадровые службы обращаются к этому методу, когда организация заинтересована в конкретном, уникальном специалисте. В отличие от массовых ярмарок вакансий, данные каналы найма носят исключительно персонифицированный характер. Использование технологий аутсорсинга для инклюзивного образования позволяет получить относительно достоверную оценку компетенций деловых качеств и навыков, которые соответствуют требованиям работодателя. Как правило, эти требования базируются на опыте и корпоративной культуре коллектива, что снижает риск профессиональной дезадаптации новичка.

Формирование потенциала специалиста социальной сферы предполагает синтез знаний из разных областей [1, 91–96]. Работа с родителями подростков с ОВЗ имеет ряд специфических особенностей, обусловленных подростковым кризисом и нозологическими особенностями ребенка. Специалист должен уметь дифференцировать проявления болезни от возрастных поведенческих реакций (замкнутость, гиперсексуальность) и корректно объяснять это родителям. Крайне важна юридическая осведомленность: знание прав перехода подростка во взрослую жизнь (сопровождаемое проживание, оформление инвалидности, опека после 18 лет).

Медицинская грамотность специалиста (понимание прогнозов развития заболевания в подростковом возрасте) необходима для корректного формирования ожиданий родителей. Помимо консультативной функции, специалист должен мягко, но настойчиво формировать у подростка навыки возрастной самостоятельности и доносить до родителей мысль о том, что сепарация у подростка с ОВЗ протекает иначе, но она жизненно необходима. Также в зону ответственности входит прогнозирование проблем буллинга и насилия, обсуждение вопросов безопасного поведения и контрацепции.

Важно подчеркнуть, что данная работа требует высокой стрессоустойчивости. Без супервизии и личной терапии специалист социальной сферы быстро «сгорает» из-за проекции родительского отчаяния и ощущения «бесполезности работы» (результат часто отсрочен). Без учета особенностей работы именно с родителями, а не с самим ребенком, реабилитационный потенциал семьи остается нереализованным, что приводит к социальному сиротству уже совершеннолетних людей после ухода или болезни родителей.

Для верификации теоретических выводов было проведено исследование силами студенческого научного кружка «Школа родительства особого ребёнка как ресурс семьи» на базе одного из вузов Санкт-Петербурга. В анкетировании приняли участие 50 родителей, воспитывающих детей-подростков с ОВЗ и обучающихся в СПб ГБУ «Профессионально-реабилитационный центр». Цель исследования состояла в выявлении готовности родителей к участию

в деятельности Родительского клуба и определении востребованных направлений работы. Согласие на участие в деятельности клуба выразили 60 % респондентов. Социально-демографический портрет родителей: преобладают женщины 35–45 лет (65 %), более половины проживают в полных семьях (60 %).

Основные трудности детей-подростков (по мнению родителей) связаны с доступностью образовательных, досуговых учреждений и транспорта (соответственно, 20 % респондентов). Жизненные проблемы самих родителей представлены следующим ранжированным рядом:

- Эмоциональное выгорание, усталость, стресс – 65 % респондентов.
- Отсутствие времени на себя – 60 %.
- Проблемы с трудоустройством – 25 %.
- Нехватка общения и непонимание окружающих – 20 %.

Актуальные потребности родителей, которые могут быть реализованы в Родительском клубе:

- Психологическая помощь – 50 %.
- Культурно-досуговая деятельность – 45 %.
- Восполнение дефицита общения – 40 %.
- Педагогическая помощь – 30 %.

Относительно планов родителей на будущее: 25 % респондентов планируют получить дополнительное образование, 20 % – пройти переподготовку, 15 % – повысить квалификацию или найти работу. При этом 30 % связывают реализацию планов только с «собственным желанием», а 25 % – с наличием свободного времени. Делиться собственным опытом готовы 35 % респондентов, что говорит о наличии внутреннего ресурса у родителей для взаимоподдержки в рамках работы Родительского клуба.

Проведенное исследование подтверждает, что современная система помощи требует от специалиста не только базовых профессиональных компетенций, но и способности выстраивать долгосрочную поддерживающую коммуникацию. К основным направлениям формирования такого потенциала можно отнести:

1. Овладение технологиями индивидуального консультирования и психотерапии (работа со страхами, чувством вины, низкой самооценкой родителей).

2. Владение групповыми формами работы (мастер-классы, круглые столы, обмен опытом).

3. Профориентационные компетенции (помощь родителям в поиске удаленной работы, гибкой занятости, переобучении).

4. Навыки обучения тайм-менеджменту и саморегуляции для восстановления ресурса родителей [2, 87].

Кроме того, как показал анализ проблем подбора, сам специалист должен отбираться на основе многоступенчатой процедуры, включающей проверку

личностной устойчивости, эмпатии и способности работать в режиме межведомственного взаимодействия. Своеобразной формулой формирования потенциала специалиста является синтез: юридическая подготовка + знание подростковой психологии + эмпатия + медиация + устойчивость к выгоранию.

Важно подчеркнуть, что формирование потенциала специалиста не завершается этапом трудоустройства. Непрерывное профессиональное развитие (Continuing Professional Development) становится неотъемлемым элементом сохранения актуальности компетенций. В зарубежной практике социальной работы широко внедрены модели наставничества (mentorship) и интервизии, предполагающие регулярный обмен опытом между коллегами равного статуса. Для российских учреждений социальной сферы подобные форматы остаются скорее исключением, чем правилом, что связано как с высокой загруженностью специалистов, так и с недостаточным финансированием программ повышения квалификации. Тем не менее, именно супервизия и интервизия позволяют предотвратить профессиональную деформацию, обеспечивая рефлексивную позицию специалиста по отношению к собственной деятельности.

Следует также учитывать, что работа с родителями подростков с ОВЗ сопряжена с высокой степенью неопределенности. Специалист не может гарантировать конкретный «измеримый» результат в краткосрочной перспективе, что противоречит распространенной в управленческой среде логике KPI (ключевых показателей эффективности). В связи с этим возникает необходимость пересмотра критериев оценки труда социальных работников: акцент должен смещаться с количественных показателей (число проведенных консультаций, мероприятий) на качественные характеристики взаимодействия – глубину доверия в диаде «специалист-родитель», динамику эмоционального состояния родителя, его готовность к самостоятельному поиску ресурсов. Данные параметры, безусловно, сложнее формализовать, однако именно они отражают суть социальной работы как «помогающей» профессии.

Особого внимания заслуживает организация специализированных сообществ родителей. С взрослением детей у родителей появляется «окно возможностей» для самореализации. Анализ данных свидетельствует, что появление свободного времени создает условия для интенсивного личностного роста. Родители активно ищут возможности для образовательного развития, участия в культурных инициативах.

Родительские клубы становятся платформами для формирования социально-коммуникативных, психологических и организационных компетенций. Такие центры предоставляют родителям место для обмена опытом, работы с узкопрофильными специалистами (индивидуальные и семейные консультации), а также для культурно-досуговой деятельности. Совместная деятельность

способствует объединению усилий мотивации, помогает укрепить межпоколенные связи и повысить качество жизни.

Родители ясно понимают, что навыки самоуправления и эмоциональной устойчивости нужны не только для взаимодействия с семьей, но и для профессиональной среды. Как показывают исследования, родители видят в таких инициативах возможность «обсудить с другими родителями методы воспитания и решения жизненных вопросов» и «получить консультации специалистов, чтобы корректно планировать личное время».

Развивая тему родительских сообществ, необходимо отметить их двойственную функцию. С одной стороны, они выступают пространством психологической разгрузки, где снимается ощущение уникальности и изолированности проблемы. С другой стороны, они выполняют образовательно-просветительскую миссию, повышая правовую и медицинскую грамотность родителей. Анализ зарубежных практик (например, опыт США в рамках программ Family Support 360 или европейские инициативы по созданию «ресурсных центров для родителей») показывает, что максимальная эффективность достигается при сочетании формальных и неформальных форматов: регулярные встречи со специалистами чередуются с неструктурированным общением, совместными выездами и досуговыми активностями.

В российском контексте важным барьером остается низкая информированность родителей о существующих возможностях. Как показало наше исследование, лишь 60 % респондентов выразили готовность участвовать в работе Родительского клуба, что свидетельствует о наличии значительной группы родителей, которые либо не осознают собственных потребностей, либо не доверяют институциональным формам поддержки. Поэтому задачей специалиста становится не только организация работы клуба, но и адресное информирование, преодоление психологических барьеров и мотивация родителей к активной позиции. В этой связи особую ценность приобретают технологии «социального сопровождения» (case management), предполагающие индивидуальный маршрут работы с каждой семьей на основе ее уникальных запросов и ресурсов.

Не менее значимым аспектом является межведомственное взаимодействие. Родительский клуб не может существовать изолированно – он должен быть встроен в систему социальной защиты, образования, здравоохранения и культуры. Только при условии координации усилий различных ведомств возможно создание устойчивой экосистемы поддержки, где родители получают не фрагментированные услуги, а целостное, непрерывное сопровождение [5, 45–57]. В этом контексте специалист социальной сферы выступает не просто «провайдером услуг», а «навигатором», связывающим семью с необходимыми ресурсами. Такая роль требует от него развитых сетевых компетенций, умения

выстраивать горизонтальные и вертикальные коммуникации, а также навыков фасилитации (поддержки) групповых процессов.

Таким образом, формирование потенциала специалиста социальной сферы для работы с родителями, воспитывающими детей-подростков с ОВЗ, является приоритетной задачей кадровой политики и системы профессионального образования.

Исследование подтвердило, что профессиональная компетентность в данном случае выходит за рамки узких предметных знаний и включает в себя высокую психологическую готовность к работе с «отложенным результатом», способность к межведомственному взаимодействию и глубокое понимание специфики подросткового возраста. В свою очередь, развитие родительского ресурса через организацию клубов и сообществ не только улучшает психоэмоциональное состояние семьи, но и формирует активную жизненную позицию родителей, создавая успешные социальные модели поведения для детей-инвалидов.

Ключевым выводом проведенного анализа является тезис о неразрывной взаимосвязи кадрового и родительского потенциалов. Невозможно говорить об эффективной поддержке семьи без профессионального, устойчивого к выгоранию и непрерывно развивающегося специалиста. И наоборот, даже самый компетентный специалист не достигнет результата, если родитель остается в позиции пассивного получателя услуг. Поэтому формирование потенциала должно носить системный характер, охватывая как этап отбора и обучения специалистов, так и организацию партисипативных практик работы с родителями.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке критериев оценки эффективности работы специалистов в родительских клубах, а также во внедрении программ супервизии для профилактики профессионального выгорания в социальной сфере.

Особого внимания заслуживает сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта подготовки кадров для инклюзивной среды, который мог бы выявить эффективные практики, адаптируемые к российским условиям. Кроме того, целесообразно проведение лонгитюдных исследований, отслеживающих динамику родительского ресурса в зависимости от применяемых специалистом стратегий сопровождения, что позволит эмпирически обосновать выбор наиболее действенных методов работы.

Список литературы:

1. Моцовкина Е. В., Вишневский В. А. Направления социально-педагогической работы с семьями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2018. Т. 12. № 3. С. 91–96. DOI: 10.31161/1995-0659-2018-12-3-91-96

2. Подколзина Л. Г., Перепелкина В. А. Психолого-педагогическая поддержка и социальная реабилитация семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) средствами родительского клуба. // Научное мнение. 2026. № 1–2. С 82–91 EDN: ODWGEH DOI: 10.25807/22224378_2026_1-2_82

3. Перепелкина В. А. Инклюзивное образование: проблема подбора специалистов // Коррекционная педагогика: взгляд в будущее. Сборник научных статей.– Санкт-Петербург: Российский гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена, 2023.– С. 139–143. ISBN: 978–5–8064–3388–7

4. Алехина С. В. Инклюзивное образование в России: проблемы и перспективы // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 2. С. 5–13. DOI: 10.17759/pse.2020250201

5. Кузьмина О. С., Сорокоумова Г. В. Родительские клубы как форма психологической поддержки семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2021. № 4. С. 45–57. DOI: 10.35231/18186653_2021_4_45

DOI 10.34660/INF.2026.72.91.150

ВОВЛЕЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ В РЕАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ УНИВЕРСИТЕТА

Мальцева Татьяна Александровна
Директор центра по молодежной политике и воспитательной деятельности
Тольяттинский государственный университет

Аннотация. *На основе мониторинга ценностных представлений и интересов обучающихся разработана модель вовлечения студентов в реализацию молодежной политики цифрового университета. Создан алгоритм работы с обучающимися всех форм и направлений подготовки, описаны этапы реализации данной модели, приведены примеры гибридных форм работы с обучающимися.*

Ключевые слова: *молодежная политика, цифровой университет, вовлеченность, мотивация, интерес, гибридные формы.*

Молодежная политика является неотъемлемой частью стратегии развития современного университета. В Указе Президента Российской Федерации от «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», где в качестве приоритетных обозначена задача «реализации потенциала каждого человека, развития его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» [5]. Высшие учебные заведения являются важным звеном в воспитании и развитии молодежи и в настоящее находятся в поиске эффективных стратегий вовлечения молодежи в образовательный процесс, влияющий на профессионально-личностное развитие

Термин «вовлеченность студентов в образовательный процесс» стал активно использоваться в научной литературе в XX веке как процесс «инвестирования времени и энергии в выполняемую деятельность» [1], как «состояние человека, формирующееся в пространстве взаимодействия человека и среды при условии их соответствия и достаточной сензитивности человека к этой среде» [3]. Вовлеченность в образовательный процесс тесно связана с внутренней мотивацией студентов. Внутренняя мотивация, по мнению исследователей E. L. Deci, M. R. Ryan, базируется на интересе и удовольствии от деятельности, является ключевым фактором вовлеченности [2].

Тольяттинский государственный университет расширяет в настоящее время практику изучения интересов студентов вуза, с учетом которых разрабатываются основные направления молодежной политики. Особая задача – обеспечить участие студентов не только очной, но и заочной (дистанционной) формы обучения в реализации молодёжной политики университета,

Проведенный на электронной платформе «Росдистант» опрос, в котором участвовало 10 077 человек, показал, что 45 % проявляют интерес и желание реализовать свои интересы в различных активностях вуза. Анализ данных по выбору направлений молодежной политики выявил, что обучающиеся проявляют заинтересованность и стремление к самореализации в различных видах внеучебной деятельности: культурно-творческой (32 %), исследовательской (22,4 %); волонтерской (18,7 %); проектной (16,9 %). Лишь незначительная доля опрошенных (10 %) затруднилась с определением своих предпочтений. Уровень заинтересованности обучающихся в различных видах внеучебной деятельности представлен на рисунке 1.

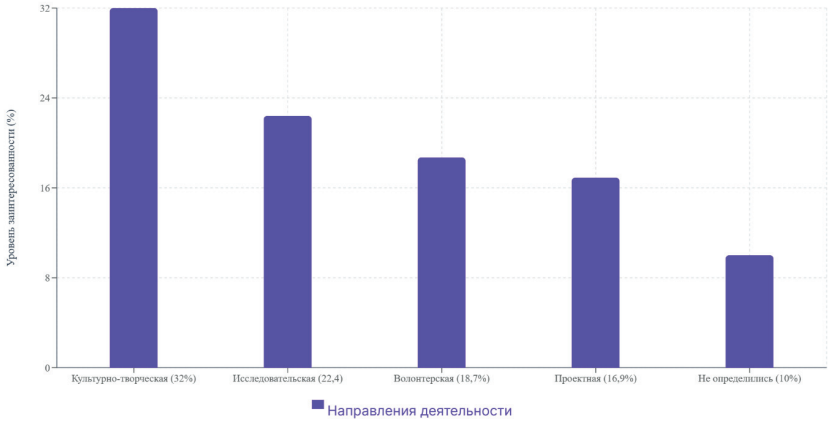

Рисунок 1 – Заинтересованность обучающихся в различных видах внеучебной деятельности

На основе полученных данных была разработана модель вовлеченности студентов во внеучебную деятельность, определены формы взаимодействия с обучающимися. Структура модели представлена этапами: 1) «Изучение интересов»; 2) «Информирование и просвещение»; 3) «Вовлечение и погружение»; 4) «Поддержка и продвижение». Все этапы объединены единой целью – создание условий для самореализации обучающихся и развития их профессионально-личностной позиции. На основе сбора эмпирических

данных Центр молодежной политики и воспитательной деятельности ТГУ реализовал основную цель второго этапа – информировать обучающихся через СМИ университета (сайт, газету, радио, социальные сети, стенды электронные цифровые площадки, очные и дистанционные встречи со студентами, собрания со студенческим активом институтов) о возможностях университета. Диалоговое общение является идентификатором интересов и потребностей студентов, что дает возможность корректировки программ и проектов для реализации молодежной политики.

Целью третьего этапа является формирование у студентов чувства принадлежности к ТГУ, гордость за университет и сопричастность к его развитию. К каждому из выбранных направлений студенты, вне зависимости от формы обучения, могут присоединится как в очном, так и в дистанционном формате [4]. Университет предоставляет цифровую платформу для реализации гибридных форм работы со студентами: вокальные студии, виртуальные спортивные мастер-классы, конкурсы, концерты, фестивали, круглые столы, консультации со специалистами разных профилей о здоровом образе жизни и др. С 2024 года все научные события (например, Всероссийская студенческая конференция «Молодежь. Наука. Общество», семинары «Академическое письмо», нетворкинг «Мир в стиле науки» и др.) проводятся с ориентиром на онлайн и офлайн участие, о чем студенты регулярно информируются через личные кабинеты на платформе Росдистант. Каждый студент, вне зависимости от формы и направления обучения, может стать участником обучающих программах для волонтеров, а также инициировать и координировать собственные волонтерские и социально-творческие проекты, тренинги и семинары в цифровом пространстве университета. В университете развивается система проектной деятельности, на цифровой платформе «Проектива». В 2024 году проектная деятельность стала доступной студентам заочной формы обучения, платформа позволила формировать смешанные проектные команды, объединяющие молодежь из разных городов нашей страны. Теперь каждый студент ТГУ имеет возможность выбрать проект по своим интересам, присоединиться к существующей команде или инициировать свой собственный проект.

Таким образом, процесс вовлеченности студентов университета в реализацию молодежной политики будет успешным в том случае, если он основан на выявлении и изучении их интересов и потребностей, реализация которых приводит к умственной и эмоциональной активности, способствует личностному росту и влияет на формирование и осмысление духовных ценностей.

Список литературы

1. Astin A. W. Student Involvement: A Developmental Theory for Higher Education // Journal of College Student Development. September / October 1999. Vol. 40 URL: https://www.researchgate.net/publication/220017441_ Student_Involvement_A_Development_Theory_for_Higher_Education (дата обращения 25.08.2026)

2. Deci E. L. A Motivational Approach to Self: Integration in Personality / E. L. Deci, M. R. Ryan // Nebraska Symposium on Motivation / Ed. by R. Dienstbier. Lincoln, NE: University of Nebraska, 1990. P. 237288.

3. Павлова Е. В. Ресурс вовлеченности как психологическая характеристика степени соответствия человека и образовательной среды / Е. В. Павлова, О. М. Краснорядцева // Сибирский психологический журнал, 2021. № 81. С. 52–7

4. Руденко И. В., Писаренко Д. А. Инновационные воспитательные практики в цифровой среде вуза – пространстве взросления молодежи // Сибирский педагогический журнал. 2025. № 1. С. 7–16.

5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года URL: http://kremlin.ru/acts/ bank/50542 (дата обращения 25.08.2026)

DOI 10.34660/INF.2026.73.34.050

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УЧЁТА КОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РКИ

Бочин Назар Александрович
аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. *В статье рассматривается потенциал нейролингвистического программирования, или НЛП, как инструмента учёта когнитивных особенностей учащихся при обучении лексике русского языка как иностранного. Автор обращается к данным нейролингвистики и нейролингводидактики, обосновывая необходимость пересмотра традиционных методов работы с лексикой в связи с изменением когнитивных характеристик современных учащихся, а именно клипового мышления, снижения устойчивости внимания. Систематизируются приёмы НЛП, распределённые по трём группам в зависимости от объекта воздействия.*

Ключевые слова: *нейролингвистическое программирование, РКИ, лексика, репрезентативные системы, якорение, когнитивные особенности, клиповое мышление, методика преподавания, индивидуализация обучения.*

В последние годы данные нейролингвистики всё активнее используются при обучении русскому языку как иностранному. Понимание мозговых механизмов овладения языком открывает новые возможности для разработки эффективных методик.

Нейролингвистика – это научная дисциплина на стыке психологии, психолингвистики и языкознания, изучающая механизмы речевой деятельности и их изменения при локальных поражениях мозга [1, с. 342]. Она исследует нейронные структуры, лежащие в основе языковых операций, и рассматривает мозг как субстрат речевой мыслительной деятельности, неразрывно связанной с памятью, вниманием и эмоциями [7, с. 24]. В соответствии с современной нейропсихологией, нейролингвистика трактует речь как системную функцию, а её нарушения – как системный дефект.

А. Р. Лурия в своих исследованиях показал, что поражения разных отделов левого полушария вызывают специфические речевые расстройства: височных

долей – нарушение лексического состава речи, теменно-затылочных – понимания логико-грамматических конструкций, лобных – целенаправленного построения высказывания при сохранности языковых средств. Учёный установил, что кодирование речи включает стадии от замысла к развёрнутому высказыванию, а декодирование требует выделения лексических значений, синтаксических отношений и общего смысла. Эти компоненты могут нарушаться избирательно в зависимости от локализации поражения [8, с. 183].

Нейролингвистика находится на стыке лингвистики и нейронаук, рассматривая речь как системную функцию мозга [7, с. 433], что сближает её с психолингвистикой, изучающей когнитивные механизмы языка экспериментальными методами.

Когнитивные характеристики личности не остаются неизменными: они трансформируются под влиянием социальной и технологической среды. Исследования поколений (X, Y, Z, Альфа) показывают, что поколенческие различия в мышлении и памяти существенны. У поколения Z (зумеры) фиксируется клиповое мышление, снижение устойчивости внимания и «цифровая амнезия» – переориентация с запоминания содержания на запоминание способов поиска информации. У поколения Альфа эти тенденции усиливаются на фоне недостатка сенсорного опыта и персонализированных алгоритмов [3, с. 66].

В ответ на эти изменения в научно-методической литературе активно развивается нейролингводидактика – междисциплинарное направление, изучающее деятельность мозга в ходе овладения неродным языком с учётом когнитивных предпочтений обучающихся [10, с. 6]. Нейролингводидактика учитывает возрастные, личностные и этнокогнитивные особенности, диагностирует память, внимание и скорость реакции, что особенно важно при работе с билингвами. Она предлагает как цифровые языковые тренажёры, так и безмашинные методы индивидуализации обучения, способствуя не только усвоению языка, но и развитию металингвистического понимания и адаптации к информационной перегрузке [10, с. 6].

Таким образом, единый подход к обучению невозможен: нейролингвистика убедительно показывает вариативность когнитивных процессов, лежащих в основе речи. Исследования А. Р. Лурии свидетельствуют, что лексический состав, грамматика и построение высказывания обеспечиваются разными отделами мозга и требуют разных стратегий обучения [7, с. 154]. Учёт поколенческих характеристик также необходим: клиповое мышление, снижение внимания и многие другие аспекты требуют пересмотра традиционных методов предъявления лексики, иначе эффективность обучения падает, а когнитивная нагрузка растёт [3, с. 6].

Современная методика РКИ нуждается в интеграции нейролингвистических данных для разработки гибких, дифференцированных стратегий обучения [7, с. 165]. Одним из наиболее доступных инструментов здесь

выступает нейролингвистическое программирование, предлагающее конкретные техники оптимизации восприятия и запоминания информации, что позволяет перейти от теории нейролингводидактики к практическим методическим решениям [8, с. 144].

Нейролингвистическое программирование (НЛП) определяется как метод вербального программирования личности, позволяющий изменять поведенческие установки и реакции окружающих [2, с. 323]. Его техники (рефрейминг, якорение и др.) направлены на активацию скрытых ресурсов психики и расширение поведенческого репертуара [2, с. 336].

Р. С. Немов характеризует НЛП как практическую психотерапевтическую методику, базирующуюся на двух ключевых положениях: индивидуальное восприятие действительности отражается в речи; через образные представления и вербальные самовнушения возможно изменение психологических установок и поведенческих паттернов [9, с. 287]. Сторонники НЛП исходят из того, что трансформация речи влечёт изменения в психологии и поведении [4, с. 290].

Ключевыми элементами НЛП выступают: техника моделирования вербальных и невербальных паттернов успешных людей [4, с. 110] и совокупность связей между речевыми конструкциями, движениями глаз и поведенческими признаками [4, с. 113].

Методологическую основу НЛП составляют представления о субъективном характере восприятия: каждый человек формирует уникальную модель мира, опосредованную особенностями его сенсорного восприятия и нейрокогнитивной организации [4, с. 366].

Ключевым понятием НЛП являются репрезентативные системы – преимущественные способы получения, обработки, хранения и воспроизведения информации. Выделяются три модальности:

• Визуальная система – ориентация на зрительные образы, форму, цвет [5, с. 53];

• Аудиальная система – ориентация на слуховые ощущения, звуки, интонацию [5, с. 101];

• Кинестетическая система – ориентация на тактильные ощущения, запахи, вкус, движения и эмоции [5, с. 84].

Важным теоретическим основанием НЛП выступают представления о межполушарной асимметрии мозга. Левое полушарие у правшей обеспечивает дискретное, аналитическое, последовательное мышление, отвечает за экспрессивную речь, чтение, письмо и вербальную память. Правое полушарие специализируется на пространственно-образном, синтетическом мышлении, обеспечивает музыкальный слух, зрительно-пространственную ориентацию и эмоциональную окраску восприятия. Функционирование мозга как единой системы предполагает постоянное взаимодействие обоих полушарий [7, с. 383].

В методике преподавания иностранных языков всё более актуальным становится обращение к психотерапевтическим и психокоррекционным техникам, среди которых особое место занимает нейролингвистическое программирование [6, с. 103].

Приёмы НЛП, используемые при обучении иностранному языку, разделяются на три группы в зависимости от объекта воздействия: применяемые к обучающемуся; применяемые к информации; применяемые самим педагогом [5, с. 85].

I. Приёмы, применяемые к обучающемуся

Учёт репрезентативной системы обучающегося строится на ключевой для НЛП концепции, согласно которой каждый человек преимущественно использует один из трёх способов восприятия – визуальный, аудиальный или кинестетический,– что определяет его индивидуальные стратегии получения, обработки и запоминания информации. При предъявлении и отработке лексики необходимо учитывать ведущую систему учащихся: визуалы лучше воспринимают через зрительные образы, поэтому для них эффективны яркие иллюстрации, выделение слов рамкой или шрифтом и цветовое кодирование; аудиалы воспринимают через слух, поэтому им предпочтительны аудиозаписи, многократное прослушивание, хоровое и индивидуальное проговаривание и рифмовки; кинестетики запоминают через движение и тактильные ощущения, поэтому для них подходят упражнения с физической активностью, письмо и работа с карточками [4, с. 59]. Такой дифференцированный подход задействует естественные каналы восприятия, что способствует более прочному усвоению лексики.

Учёт психофизических особенностей обучающихся предполагает учёт темперамента, работоспособности, особенностей внимания и памяти, а также психоэмоционального состояния, что позволяет снизить тревожность, повысить мотивацию и создать благоприятные условия для усвоения материала [4, с. 93]. В терминах НЛП это соотносится с принципом «калибровки» – умением преподавателя отслеживать состояние ученика и корректировать стратегию взаимодействия [4, с. 175].

Определение типа мотивации является ключевым фактором успешности овладения языком, поэтому в рамках НЛП важно выявлять доминирующие мотивы: внутреннюю (познавательный интерес, саморазвитие) и внешнюю (оценка, одобрение, карьера). Понимание мотивов позволяет преподавателю подбирать адекватные стимулы и формы работы [4, с. 60].

II. Приёмы, применяемые к информации

Подбор актуальных примеров и иллюстраций соотносится с понятием «якорения» – создания устойчивых ассоциативных связей между новой информацией и имеющимся опытом [6, с. 55]. Примеры, соответствующие

возрасту и интересам учащихся, активизируют личностно значимые смыслы и обеспечивают эмоциональную включённость [5, с. 99].

Учёт цветовой гаммы визуальной подачи информации важен, поскольку цвет влияет на психоэмоциональное состояние и когнитивные процессы: яркие цвета привлекают внимание, а спокойные создают комфортную атмосферу [5, с. 49]. В обучении лексике цветовое кодирование помогает структурировать информацию, например, через выделение окончаний или тематических групп слов.

Приём «Размер предметов» в обучении лексике базируется на манипуляции визуальным масштабом объекта, что создаёт контраст и акцентирует значимость: увеличение образа активирует те же зоны коры, что и приближение реального объекта, вызывая более интенсивный отклик [7, с. 381]. На практике этот приём реализуется через изображение ключевых слов крупнее (что работает как визуальный якорь) или через демонстрацию антонимических пар с помощью контраста размеров [8, с. 3].

III. Приёмы, применяемые педагогом

Использование юмора создаёт благоприятную атмосферу, снимает напряжение, устанавливает раппорт с аудиторией и создаёт позитивные эмоциональные якоря [6, с. 191]. Шутки и языковые игры не только способствуют запоминанию материала, но и активизируют когнитивные процессы, повышая эффективность усвоения [7, с. 93].

Невербальное поведение педагога – его поза, жесты, мимика, интонация, темп речи и взгляд – оказывает существенное влияние на восприятие информации и установление контакта с обучающимися. Открытые позы, визуальный контакт, вариативность громкости и темпа помогают удерживать внимание. [5, с. 178; 8, с. 40].

Система поощрений является важным инструментом управления мотивацией и формирования положительного отношения к учебной деятельности, поскольку поощрение рассматривается в рамках НЛП как форма позитивного подкрепления, закрепляющего желательные поведенческие и когнитивные паттерны [6, с. 111]. Поощрение может принимать разные формы: вербальную, включающую похвалу и положительный отзыв, невербальную, такую как одобрительный кивок или улыбка, и материальную, к которой относятся стикеры, наклейки и грамоты.

Выводы

Таким образом, применение приёмов НЛП в обучении представляет собой комплексный подход, охватывающий как индивидуально-психологические особенности учащихся, так и способы подачи информации, а также стиль педагогического взаимодействия [6, с. 151]. В настоящей работе фокус сделан на приёмах, применяемых к обучающемуся и к информации, как наиболее универсальных и поддающихся методическому описанию. Учёт репрезентативной

системы, психофизических особенностей и мотивации позволяет создавать индивидуальные образовательные траектории, а приёмы, применяемые к информации, делают лексический материал более наглядным и структурированным.

Литературные источники:

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий: теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Икар, 2009. – 448 с.

2. Александровский, Ю. А. Словарь терминов, используемых в психиатрии / Ю. А. Александровский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ВЕДАНТА, 2021. – 670 с.

3. Базылев, Я. С. Особенности когнитивных процессов поколений: X, Y, Z, Alpha / Я. С. Базылев // Общество: социология, психология, педагогика. – 2024. – № 10. – С. 64–69.

4. Воедилов, Д.В. НЛП по-русски / Д. В. Воедилов. – М.: ФАИР, 2007. – 208 с.

5. Гриндер М., Лойд Л. НЛП в педагогике. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 320 с.

6. Дилтс, Р. Изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс. – СПб.: Питер, 2000. – 195 с.

7. Курпатов, А. Мышление. Системное исследование / А. Курпатов. – М.: Капитал, 2018. – 672 с.

9. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 252 с.

10. Немов, Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.

11. Хамраева, Е. А. Нейролингводидактический аспект в обучении русскому языку: технологии нового поколения в обучении детей и взрослых / Е. А. Хамраева // Русский язык за рубежом. – 2022. – № 6 (295). – С. 4–9.

DOI 10.34660/INF.2026.73.46.279

ПОДАРОК «УЧАЛИНСКОГО СФИНКСА». ДВА РЕБУСА И ДВЕ ПОДСКАЗКИ – ПОДАРКИ ОСТАНЦА НА ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ 2026 ГОДА

Кузьмина Арина Владимировна
действительный член всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»,
коммерческий директор
ООО «Конструкторское экспериментальное предприятие Лаборатория вариаторов»
Ларин Максим Вячеславович
студент
Уральский региональный колледж

Моим любимым людям, друзьям, единомышленникам и людям, любящим свой родной край

Аннотация. *Статья является продолжением Эссе «Учалинский останец – наблюдения, размышления и загадки, которые, возможно, когда-нибудь будут разгаданы». Каждый раз, когда мы приезжаем на останец (похожий на фигуру, напоминающую лежащего животного с лицом человека), мы подмечаем что-то новое и необычное. Быть может, это плод нашего воображения, а быть может, и нет. И кто-то очень давно приложил руку, чтобы превратить небольшую гору в объект и таким образом пообщаться с нами – другими поколениями. О таких ребусах-загадках наша новая статья.*

21 июня 2026 года в день летнего Солнцестояния мы решили посетить известный останец под название Учалинский Сфинкс. Напоминаем адрес его дислокации: Республика Башкортостан, Учалинский район, рядом с озером Аушкуль и деревней Старобайрамгулово. Мы – это группа исследователей, состоящая из двух человек: Кузьмина Арина Владимировна и Ларин Максим Вячеславович.

Мы не просчитались – каменный истукан в этот знаковый день сделал нам два подарка – он приоткрыл нам завесу сразу двух своих секретов, которые ещё только предстоит разъяснить. Но то, что мы смогли увидеть – это восхитительно!

Итак, первый секрет. Мы давно обратили внимание, что у «головы» останца макушка плоская. Может, так и было изначально, а, может, кто-то специально скинул лишние камни с верхушки (Рис. 1).

Рис. 1. Макушка останца «Учалинский Сфинкс».
Лик Сфинкса смотрит на запад. Фото А. В. Кузьминой

Мы решили исследовать саму макушку. Есть ли что-то интересное там наверху. Оказалось, что есть. На самой макушке с восточной стороны имеется явно выраженная выемка глубиной около 10 см. Самое удачное место для наблюдения, если кто-либо захочет посмотреть на восход Солнца с восточной стороны горизонта. Если предположить, что кто-то захочет посидеть, то и местечко, где поставить ноги тоже есть (Рис. 2).

Рис. 2. Выемка на макушке останца с восточной стороны.
Фото М. В. Ларина

И еще подметим: на самой макушке, прямо над «носом» Сфинкса, есть горизонтальное углубление – место, где можно сидеть и видеть что же происходит на Западе.

Рис. 3. Горизонтальная выемка над «носом» останца с западной стороны останца. Фото М. В. Ларина

И, что самое важное, стоя на голове останца, можно наблюдать весь горизонт по кругу, если древние люди следили за тем, чтобы деревья не заслоняли горизонт.

26.08.2026 мы проверили эту версию, взяв с собой в помощники Леонида Александровича Никитина, Руслана Альбертовича Бикбулатова и Ольгу Олеговну Полякову. Ребята продемонстрировали, как древние наблюдатели могли сидеть на голове Учалинского Сфинкса (Рис. 5, 6). Ольга Олеговна зафиксировала панорамный вид восточной части горизонта, установив место съёмки с высокого камня, за мешающими обзору березами (Рис. 7).

Рис. 5. Место наблюдения на макушке Учалинского Сфинкса: Леонид Никитин (в белом) смотрит на запад вместе с западным ликом Бога, в направлении захода Солнца в равноденствия и солнцестояния; Руслан Бикбулатов (в чёрном) смотрит на юг вместе с южным ликом Бога, в направлении на зенитный меридиан, где светила и звёзды проходят свой максимум по высоте. Фото О. О. Поляковой.

Рис. 6. Руслан Бикбулатов смотрит на восток с макушки Учалинского Сфинкса, в направлении восхода Солнца в равноденствия и солнцестояния. Фото А. В. Кузьминой.

Рис. 7 Панорама восточного горизонта от Учалинского Сфинкса. Фото и композиция О. О. Поляковой.

Само собой, напрашивается аналогия с самым известным в мире Сфинксом, а именно, с Великим Сфинксом (Египет, плато Гиза). У него на плоской макушке тоже есть отверстие – правда, глубокое, ныне забетонированное. Закрыли его для того, чтобы скульптура не разрушалась. Порода, из которой выполнено египетское изваяние гораздо мягче, чем гранит Учалинского Сфинкса (Рис. 8).

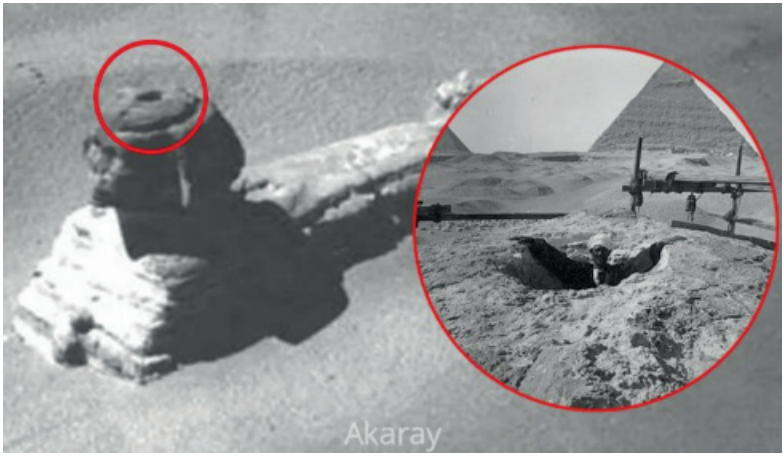

Рис. 8. Старые фотографии отверстия на макушке Великого Сфинкса. https://project6495809.tilda.ws/page34021166.html

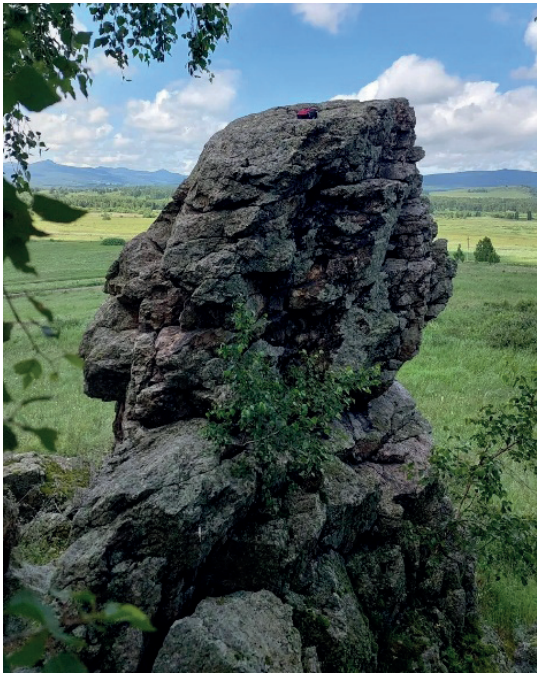

Рис. 4. «Лик Бога» смотрит на юг. Фото А. В. Кузьминой

Мы предполагаем, что углубление на макушке египетского сфинкса было создано для наблюдений за восходом и заходом Солнца среди египетских пирамид, возможно, по аналогии с Учалинским Сфинксом.

А что же второй секрет? Он не менее восхитителен, чем ранее описанный. Много раз (а я наблюдаю за этим каменным изваянием около 10 лет) смотрела на голову изваяния с восточной стороны [Древние календари Южного Урала. Книга вторая. 2024, С. 28–40]. А в этот день (напоминаю, день Летнего Солнцестояния 21.06.2026) УВИДЕЛА! Там же второй лик! Вглядитесь! Лоб, глаз, нос, рот. Гордый профиль. Хочется назвать это словами «ЛИК БОГА». Направление взгляда – на Юг, на зенитный меридиан. Напоминаю – один лик направлен на Запад. А другой – открывшийся нам только 21.06.2026 – на Юг. Два лика (Рис. 1, 4).

Литература

1.Большой Сфинкс Гизы и пирамиды: помещения внутри и под монументом https://project6495809.tilda.ws/page34021166.html

2.Кузьмина, А. В. Учалинский останец – наблюдения, размышления и загадки, которые, возможно, когда-нибудь будут разгаданы // Древние календари Южного Урала. Книга вторая.– М.: Издательство «Спутник+», 2024. С. 28–36

3.Кузьмина, А. В. Учалинский останец – наблюдения, размышления и загадки, которые, возможно, когда-нибудь будут разгаданы // Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 3 сентября 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин.– Москва: Издательство Инфинити, 2026. С. 108–116. DOI 10.34660/INF.2026.56.44.298

4.Кузьмина, А.В., Ларин, М.В., Левченко, А.Б, Левченко, А.А., Полякова, О. О. Заход Солнца в весеннее равноденствие от «Учалинского Сфинкса» // Древние календари Южного Урала. Книга вторая.– М.: Издательство «Спутник+», 2024. С. 37–39

5.Кузьмина, А.В., Ларин, М.В., Полякова, О.О, Галата О. Летние измерения на святилище Учалинский Сфинкс // Древние календари Южного Урала. Книга вторая.– М.: Издательство «Спутник+», 2024. С. 40

ЗАМЕТКИ

Научное издание

Высшая школа: научные исследования

Материалы Межвузовского международного конгресса
(г. Москва, 17 сентября 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 17.09.2026 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 12,00. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

